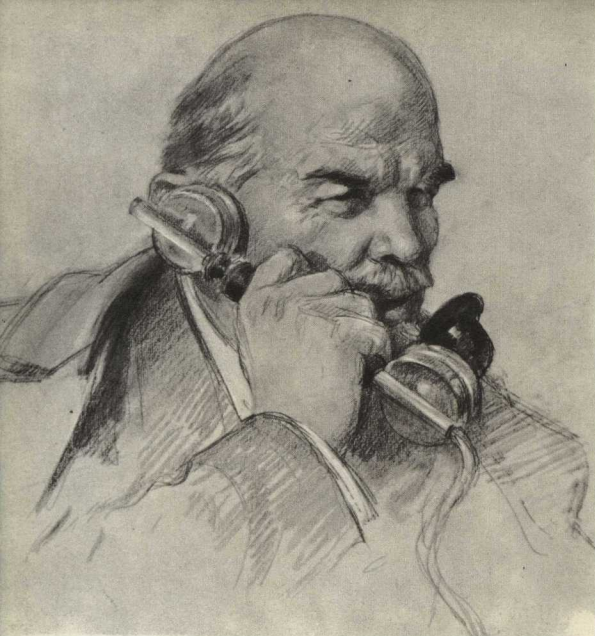

СМЕНА

7

1958

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Приятные вести.

Рисунок Н. Жукова.

БЕССМЕРТИЕ

Жить,
Озаряя путь людей,—
Нет жизни более прекрасной.
Смерть оборвать ее не властна,
Смерть отступила перед ней.
Ее прямое продолжение:
Огни в заснеженных домах,
И наших спутников движение,

И строев радостный размах.
Во всем
Уверенно и смело
Увидишь ты,
Узнаешь ты
Бессмертье ленинского дела
И торжество его мечты!

Яков СЕРПИН

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

Литературно-художественный
и общественно-политический журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ
Апрель. № 7. 1958 год.

Год
издания
35-й

На Днепропетровском металлургическом заводе имени Г. И. Петровского заступает новая смена. В мартеновский цех идут три товарища — комсомольцы (слева направо) Николай Фролов, Михаил Гринберг и Владимир Колашевич.

БЕСПОКОИНЫЕ СЕРДЦА

Очерк о строителях комсомольской домы
и молодых металлургах см. на стр. 12.

ПЕЧИЦЫ

стране замечательных работников, творцов нового — переклассных труженников стаива и земли, сочных умовых и художников, обществанных деятелей. Наши отцы и матери прошли школу комсомола, здесь они получали свою первую закалку. И этот процесс продолжается и будет продолжаться — таков закон жизни: молодость идет на смену старости. Как важно поэтому для молодежи умело воспользоваться трудом старших, взять опыт старших, умножить его своим энтузиазмом!

Четыре года отделяют XIII съезд комсомола от прошлого съезда ВЛКСМ. Срок очень малый и только в историческом государстве народу азиатской жизни. Но как далеко шагнула наша Родина за этот период по пути, указанному великим Лениным!

Двадцатый съезд КПСС, свято следуя ленинским заветам, дал партии и ее первой помощнице — комсомолу, всему советскому народу аполную программу борьбы за построение коммунизма в нашей стране. Выполнив предначертания партии, комсомол, молодое поколение свершила за последние годы много замечательных дел.

Шумели ветры в бескрайних казахских степях, ветры ждали миллионов гектаров богатейшей земли в Сибири, Зауралье, Зауралье. Партия выдвинула задачу: «Освоить целину!» — и тысячи комсомольцев пошли на целинные земли. Бескрайнее море хлебов возникло там, где раньше можно было встретить только степи ковыльевые. Семью тысяч молодых тружеников Союзной страны получили комсомольские путевки для работы на целинных землях и новостройках Сибири, Казахстана, Алтая, Дальнего Востока. Руками юношей и девушек воздвигнуты десятки новых заводов, шахт и рудников, прокатных станков и коксовых батарей. Ярко горят огни новых гигантских электростанций на Волге и Оби, Днепре и Каме, а сооружения которых принимали участие тысячи молодых бетонщиков, экскаваторщиков, монтажников, инженеров. А в Челябинске и Красноярке, Челябинске и Жданове все выше поднимаются комсомольские дома.

Массовый поход молодежи в животноводство, борьба за высокие урожаи кукурузы оказали большую помощь партии в деле дальнейшего подъема всего сельского хозяйства страны. Много сделано, но много дел еще предстоит совершить. По инициативе молодежи комсомольские организации берут шефство над строительством доменных печей, металлургических комбинатов и цементных заводов; предстоит отправить тысячи молодых воспитанников на освоения Дальнего Востока и Сибири; по-прежнему включиться в жилищное строительство. Пусть вырастут корпуса жилых домов, возведенные нашими руками, пусть раскинутся около заводов комсомольские поселки.

Весело, интересно хочет проводить свободное время молодежь. И комсомол берется за новое дело; разрабатывается духлетка культуры. Это значит, что силами молодежи будут выстроены тысячи домов культуры и клубов, стадионов и спортивных площадок, по-настоящему займутся самодеятельные коллективы.

29 октября страна будет отмечать годовщину Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи. Комсомол поведет юного лето складывая им, юным, последние страницы борьбы с новыми силами с тем, чтобы, не оставившись, пойти дальше по пути, начертанному партией.

У нас нет малых дел. Все значительно, все дорогое, что служит коммунизму, Родине! Комсомол, контролируя домку, не просто строит, он строит коммунизма. Фактор, поднимавший целинный пласт земли, не только земледельце-механизатор, он строитель коммунизма. Школьники собрали металлолом — это не только три тонны нужного металла, это — приращение к строительству коммунизма. Студент, ушедший с заводским заводом, не только обеспечил себе право стать специалистом, он вошел в жизнь социалистического коммунизма. Солдат — отличник боевой охоты — не только зиниций свое дело снайпер, меткий артиллерист, умелый радист, он защитник Родины, боец революции, призванный защищать дело коммунизма.

Солнце коммунизма уже светит нам. Но мы знаем, что торжество коммунизма не придет само собой. Нам предстоит еще много труда и трудной борьбы. Мы, ленинцы, мы, коммунисты, должны боевое ленинское дело и ведет испытания в боях Коммунистической партия. А потому — смело вперед!

Восемнадцать миллионов комсомольцев участв, трудятся в Стране Советов. Представим себе на минуту бескрайнее море комсомольских горячих сердец, бескрайний лес деятельных комсомольских рук и миллионов пылких комсомольских сердец — такая великодушная армия, такая в ней могучая, непобедимая сила! Вместе с партией — авангардом народа, — под ее идейным руководством трудятся комсомолы, вкладывая свою молодую энергию в дело коммунистического строительства.

«Мы юные ленинцы!» — с гордостью говорят юности и девушки. В этих словах заключены высокий смысл, благородные традиции.

В годы гражданской войны наши отцы, следуя зову партии, заправили на замоск комсомольские укомы и волкомы и шли на фронт, на смертный бой с врагом. Кто оставался в тылу, тот тоже не дремал, не отсиживался за материнской юбкой; кругом кипела борьба, молодую республику терзала голод, холод, дел было столько, что казался, их вовек не переделаешь.

После гражданской войны, когда начался великий процесс восстановления и создания, когда закипели стройки пятилеток, когда старая, искорененная деревня двинулась на путь коллективизации, страна снова увидела комсомольцев на передовых позициях классовой борьбы, в котлованах и на лесах новостроек. Они показывали пример энергии и мужества, были тем божьим ядром, вокруг которого сплачивался весь молодежь страны.

Грунда Великая Отечественная война, черные тучи фашистского нашествия нависли над нашей Родиной, и доблестные комсомольцы Страны Советов ринулись в бой; не шая своих жизней, защищая завоевания отцов, честь и свободу социалистической Родины. Между Павлом Корчагиным и Александром Матросовым лежала вся возможная; недаром на фронте так любил книгу «Как закалялась сталь»: она поднимала дух воина, учила отваге и мужеству.

Победа над врагом досталась нам нелегко. И снова в ряды строителей и создателей вилась бодрая энергия славыной коммунизма.

Посмотрите, как изменилась наша страна после войны, насколько она стала краше, сильнее, богаче! Сталинград был разрушен до основания — стоит новая, величественная Сталинград в Дону; басе нельзя было найти ни одной неповрежденной шахты, ни одного уцелевшего завода — сейчас Донбасс дает продукцию значительно больше, чем до войны. За пятнадцать лет у нас появились десятки новых городов, ранее не существовавших на карте, сотни новых предприятий, дающих миллионы тонн продукции. И этот величайший процесс преобразования страны проходит при самом деятельном участии Ленинского комсомола.

«Мы юные ленинцы!» — с гордостью говорят комсомольцы — Мы помощники партии».

Так называет комсомолы и ее страна, весь народ.

В этих словах — и доверие, и любовь, и признание!

В 1920 году на III съезде комсомола Владимир Ильич Ленин призвал молодежь учиться и творить. Его призыв пал на благодарную почву. Комсомол вырос в могучую силу создания, дал

Н еподлежку от Ленинского библиотечки в Москве стоит старинный особняк, окруженный небольшими парком. На его фасаде барельефы Маркса, Энгельса и Ленина. Здесь разместились Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. В многоэтажном рабоче этого научного центра большое место занимает сбор, изучение и издание ленинского наследства.

В одной из просторных, светлых комнат особняк, в уютно-справочный кабинет сектора произведений В. И. Ленина, в просторном шкафу хранится богатый фонд неопубликованных воспоминаний о Ленине, собранных комсомольцами, встретившимися с Владимиром Ильичем. Даже если это была очень короткая, мимолетная встреча, о ней пишут как о самой яркой, незабываемой минуте жизни.

Мы печатаем в этом номере несколько отзывов на воспоминания о Владимире Ильиче Ленине.

НА УЛИЦЕ БЕРНА

Из воспоминаний С. Н. Александровой, находившейся в эмиграции вместе с В. И. Лениным.

Однажды утром я шла по улице и видела, как Ленин шел по другой стороне с портфелью, набитым книгами и газетами. Вдруг он увидел, как какой-то мальчик вылезал на проезжую часть сел на трамвайные рельсы и стал там чего-то копаться. Ленин остановился, положил свой портфель на скамью, взял ребенка и отнес в палатки.

СКРОМНОСТЬ, ИДУЩАЯ ОТ СЕРДЦА

Из воспоминаний С. Н. Алишкова.

Период гражданской войны и интервенции и восстановительный период были трудными годами. Случалось, если кто-нибудь и присылал дополнительно к паку для семьи Ленина в подарок от рабочих или крестьян, то Ильич обычно никогда эти подарки не брал, а отсылал их в детский сад или ясли.

Однажды Сергей Миронович Киров, работавший на юге России, в Астрахани, послал Ленинскому с секретным пакетом к Ленину, в котором сообщал о том, как рабочие в Баку доставили бензин в Астрахань, обходя белогвардейскую стражу. Зная трудное положение с продовольствием в Москве, Сергей Миронович одновременно выслал посылку Ильичу — немного масла и икры.

Нарочный приехал в Москву, явился к Ильичу и передал ему пакет и посылку. Ильич распечатал письмо и прочитал его. Потом вызвал секретаря Л. А. Фотиеву и попросил эту посылку с маслом и икрой передать в детский сад или ясли.

Нарочный был в недоумении и даже несколько растерялся.

— Это посылка Ильича сказал вам, Владимир Ильич? — сказал он, — а вы передаете ее в детский сад. Как же я сообщу об этом Сергею Мироновичу!

— Если вы товарищ сомневайтесь в передаче этой посылки мне, — ответил ему Ильич, — то я могу вам дать расписку в том, что

ЧЕЛОВЕЧНОМ ЧЕЛОВЕКЕ...

я посылку с маслом и икрой посылал.

В последние годы жизни Ленина на его имя часто прибывали продуктовые посылки из разных городов и деревень. Домашняя работница Владимира Ильича Сая Сисова обычно докладывала: — Владимир Ильич, опять посылка с продуктами на ваше имя. Принять!

— Принять,— отвечал Ильич,— и немедленно отправить в эски или в детскую больницу.

И на следующий день по обыкновению справлялся у Сани: — Ну, как, Санечка, отправили посылку?

— Однажды рыбки с Волги привезли Ильичу осетра. Сая обрадовалась, принялась разделять рыбу.

— Вот хорошо! — говорила она.— На несколько дней этой рыбки хватит. А то впроголодь живет наш Ильич.

Вдруг на кухню пришел Ленин. — Какая прекрасная рыба! — сказал он.— Откуда это она?

И когда узнал, что рыбки прислали ему подарок, он строго сказал Сане:

— Вы забыли, должно быть, мою просьбу — никаких подарков не принимать. Эту рыбу заверни-

те и немедленно отправьте в детскую дом.

Сая было возразила: — Владимир Ильич, но ведь и вам есть надо. Работаете сколько, а питаетесь — хуже некуда!

— Ну, вот еще,— отвечал Ильич,— дети кругом голодают, а вы меня остринкой потчеваете вздумавши! Сегодня же, сию же минуту отправьте в детскую дом!

Скромность Ильича была не напускной, не искусственной, а природной, идущей от сердца.

Владимир Ильич не любил, когда ему устраивали овации на собраниях и митингах, когда его называли «великим» или «гением», — он морщился и отмахивался. Он попросту запрещал прибавлять к своему имени какие-либо эпитеты или титулы. Ни одного портрета Ленина не было в Совнаркоме при его жизни, он запрещал его вывешивать. Ильич останавливал своего собеседника, когда тот называл его товарищ Председатель, Совета Народных Комиссаров.

— К чему так пышно вы, голубчик, меня называете? Называйте меня по имени и отчеству, а то просто по фамилии. Ведь эдак-то куда просе.

И он добродушно смеялся.

ВОПРОС О ТОПЛИВЕ И КАРТИНАХ

Из воспоминаний И. А. Ваймана, отцавшего за сохранность культурных ценностей Московского Кремля.

Как-то при обходе товарищем Лениным кремлевских дворцов я высказал Ильичу такое предложение: нельзя ли в связи с острым недостатком топлива снизить температуру воздуха в тех помещениях, где хранятся картины? Выслушав меня, Владимир Ильич с тревогой спросил: — Неужели вы уже это практиковали!..

Не видя в своем предложении ничего плохого, я ответил, что пока продолжаю топить, но если топлива не хватит...

Ильич объяснил мне всю несостоятельность подобной экономии топлива и категорически запретил снижать температуру воздуха в помещениях, где хранились ценнейшие картины.

По вопросам топлива Ленин предложил обратиться к Якову Михайловичу Свердлову, и с его мандатами от ВЦИК дрова в Кремль были доставлены в нужном количестве и даже с запасом...

ЧАСОВЫЕ ПОСТА № 27

Из воспоминаний А. С. Анискова, бывшего кремлевского курсанта.

На мою долю трижды выпала великая честь — быть часовым поста № 27, у дверей Ленина. Эту честь, пока живу, я считаю самой великой наградой. Пост был расположен в коридоре Совнаркома, где была и квартира Ленина. Ильич работал день и ночь.

Часовые сменялись в нечетные часы — в 1 час, 3, 5, 7 и т. д. Помимо, я вставал часовым у дверей Ленина в 1 час ночи и в 7 часов утра. Я стоял у дверей на протяжении двух часов и мог два — три раза видеть Ленина, который работал и беспрерывно подходил к прамоу прамоу, чтобы узнать о делах на фронте. И каждый раз, проходя мимо меня, он здоровался... Мы, часовые, были в первые дни в недоумении: почему Владимир Ильич в течение двух часов здоровается два — три раза? И сделали вывод, что Владимир Ильич знает, что часовые меняются, и, чтобы не сбиться с не и обидеть часового, всегда здоровался. Вот насколько Ленин был чуток к человеку!

Я часто думаю, что мы охраняли Ленина только как часовые, — я как часовая стою часами два часа в слезу, смотрел зорко, не спускал глаз, чтобы никто не пошел к дверям Ленина, не имея на это права. Но я считаю себя неправым как часовая, что не

Д. Боровский. Ленинское слово.

Всесоюзная художественная выставка 1957 года.

поднял вопрос перед партийным коллективом о режиме рабочего дня Ленина. Мы были в одной партийной организации Кремлевского подрайона. Ленин был неутомим в работе, это требовало от меня, но мы должны были охранять, уверял, дать ему отдохнуть, даже против его воли и желания. Так я понимаю, но уже поздно. Меня сейчас беспокоит, что я тогда не осмелился поставить этот вопрос, а это было необходимо.

НА СУББОТНИКЕ В КРЕМЛЕ

Из воспоминаний К. И. Чернова, бывшего кремлевского курсанта.

Рано утром мы вышли на субботник. Вдур неосознанно я начал повсюду В. И. Ленин, Я так рад был, что этот день для меня стал большим праздником: в первый раз видел дорогого вождя В. И. Ленина!

Владимир Ильич был сильным и ловким, быстрым, поворотливым и очень жизнерадостным человеком. Когда он и Ф. Э. Дзержинский загляли vào здоровое состояние поднимать, так же подолбили курсанты и помогли.

Во время работы Владимир Ильич часто делал шуточные реплики... Вдур появился фотограф. Мы ленинцами попадаем и мы в историю, сфотографируемся вместе с Лениным.

Я никогда этого случая не забуду... Фотограф поставил свою треногу и начал аппаратом водить. В. И. Ленин быстрыми шагами подошел прямо к фотографу, подал руку ему и спросил:

— А вы, батенька, что пришли делать?

— Фотограф случайно ответил: — Вот послал субботник запечатлеть и вас приковать для истории...

В. И. Ленин сразу ответил: — История здесь неважна, и пришли мы сюда не фотографироваться. Вот что, батенька мой! Поставьте свой аппарат, сейчас не время фотографироваться, надо работать.

Взял фотограф под руку и повел его к месту работы.

ВЛАДИМИР ИЛЬЧИ И НАШИ АКАДЕМИКИ

Из воспоминаний В. Д. Бонч-Бруевича, работавшего в первые годы Советской власти управляющим делами Совнаркома.

Когда совершился Октябрьский переворот, очень скоро стал вопрос о привлечении ученых, специалистов к творческому делу не только в области теории, но и в приложении ее к практике. Большевикская партия твердо могла рассчитывать на тех специалистов, которые были в рядах наших партий или издавна были связаны с ней тесными узами. Но этого было мало. Владимир Ильич говорил о широм привлечении ученых к делу строительства нового государства во всех областях научной, технической, производственной жизни. И прежде всего Владимир Ильич уделял внимание на корпорацию ученых Академии наук.

Еще в конце 1917 года на приеме у Владимира Ильича побывал кое-кто из академиков. И он подробно и долго беседовал с ними,

развивая мысль, что как только удастся ликвидировать фронты империалистической войны, все внимание нового рабочего правительства будет устремлено на улучшение гражданской жизни во всех ее областях и проявлениях. Владимир Ильич — говорил он, — что нигде в мире положение людей науки не будет так почетно, как у нас, в социалистическом государстве. Все люди науки будут обязаны лично самыми наилучшим образом, для них будут созданы самые лучшие условия работы. Лаборатории, институты, экспедиции — все будет широко развита и снабжено всем, чего только достигла человеческая мысль и знание.

Первый из академиков, с которым долго беседовал Ильич, был А. А. Шамазов. Владимир Ильич подробно расспрашивал его о нуждах академии и говорил о немедленной помощи, в частности Рукосиному отделению библиотеки Академии наук, которое продолжал доставлять многочисленные рукописи, документы, книги и даже целые библиотеки...

Владимир Ильич просил меня развернуть и снабдить Рукосиное отделение библиотеки Академии наук переводочными и указочными средствами, а также рабочей силой.

В. И. Ленин А. А. Шамазов пригласил специально с хлопотами о реквизиции академического имущества и в том числе ценностей Рукосиного отделения, которые были отправлены в Саратов еще при царском правительстве, когда немцы угрожали Петрограду.

Шамазов дважды виделся с Владимиром Ильичем, который в высшей степени внимательно относился к такому вопросу и лично обсудил план реквизиции научных ценностей. Он поручил мне все это дело и сделал распоряжение о предоставлении права на начальную экспедицию для управ-

ления всех недоразумений в пути от Саратова до Петрограда с любой станции, соединяясь лично с ним по прямому проводу... Я распорядился выделить отряд кремлевских красноармейцев с совершенно надежным командиром по главе, на которого возложено ответственность за охрану поезда...

И служащие академии и отряд были снабжены всевозможным провизором по списку, лично утверждённому Владимиром Ильичем... Саратовским городским и железнодорожным властям были даны телеграммы о важности этой экспедиции, кроме того, Владимир Ильич лично переговорил по прямому проводу с секретарем партийного комитета и председателем Совета рабочих депутатов и возложил на них ответственность за реквизицию.

В Саратове все имущество было благополучно погружено в особый состав. Владимир Ильич ежедневно следил за проходом этого состава, а также везущего в Кремль В. И. Срезневский был в полном восторге от четкой организации всего этого дела и трогательно благодарил Владимира Ильича за внимание.

В. И. Срезневский упоминал, что в библиотеку академии нерегулярно поступают вновь вышедшие книги, а также газеты, журналы, листки и т. п. издания, которые он тщательным образом собирает. Владимир Ильич тут же по телефону дал знать обо этом Главлиту, возложив на него обязанность сейчас же все это дело передать и предложить на родному комиссару просвещения А. В. Луначарскому выработать декрет об обязательном экземпляре для библиотек, что и было впоследствии сделано.

О реквизиции научных ценностей Академии наук, так блестяще осуществленной при личном участии Владимира Ильича, стало широко известно в академической

среде. Этом холодного, официального отношения со стороны академической среды, академики стали пригласить члены Академии наук. Еще в Петрограде в Смольный приехал непреклонный секретарь академии Ольденбург. Владимир Ильич вблизи его не принял, часа два беседовал с ним о нуждах академии и сказал ему, что совершенно необходимо, чтобы в академии во всех своих работах ставилась бы жизнь и жизнь. Призвал значение теоретических работ, он дал академиком к живой жизни, и заявил строительство нашего нового государства, к делу возрождения нашей страны, нашей промышленности, нашей культуры, к делу всестороннего изучения нашей обширной Родины от края до края, ее недр, ее окрестности, морей, рек, озера. Владимир Ильич в этом замечательном разговоре был полон вдохновения, и мне казалось, что мертвые, те, которые были отключены на его страстной призывы. Корректный, но не совсем искренний, человек, крайне удивленный тем, что Владимир Ильич отлично знал его работы, был, видимо, глубоко тронут.

— Вот ваш предмет, — сказал Владимир Ильич, подходя к нему, — как будто бы далека от нас, но он и близок нам... Идите в массы, к рабочим и рассказки им об истории Индии, об ее социальном положении, о религиозных культах, обо всех вековых страданиях этих несчастных, поработанных и угнетенных англичанами огромных, многомиллионных масс, и вы увидите, как страстно озабочены пролетариат. И сами вы вдохновитесь на новые искания, на новые исследования, на новые работы огромной научной важности...

Через некоторое время, когда я пришел в Ленинград, Владимир Ильич говорил мне: — Никак не ожидал! Это пророк величайший слыш! Он призвал аггалоном жечь сердца людей! Он искание, он искание, он искание, что он видел, что с ним говорил... Я вскоре буду опять у вас...

И он ушел, взволнованный и потрясенный.

Через некоторое время, когда Советское правительство уже переехало из Петрограда в Москву, академик Ольденбург появился в Кремле и был тотчас же принят Владимиром Ильичем. Он пришел в Ленинград, но совершенно другим человеком, чем раньше. Официальный тон податного чиновника, застывшего на все пуганцы, в нем исчез. Он искание, любознатель, искренен. Его официальный великолепный сортух заменен был обыкновенным пиджаком, как одевались мы все тогда. Это было в апреле 1918 года. Он пришел на работу на поляну Родины. Владимир Ильич был очень доволен и тотчас же откликнулся своим особым наброском плана работы Академии наук, где изучение и исследование исторического богатства нашей страны выдвинулось на первый план. С тех пор Академия наук слилась в своих работах с планами и нуждами Советской власти, с нуждами нашего народа, нашей страны.

А. КИРСАНОВ

ПОДАРОК НАРОДА КЕНИИ

Негр по весенней Москве идет с красным цветком в петлице. А вокруг него добродушный народ, улыбающийся лица,— люди, которых впервые он сам и видит и слышит. Но будто со всеми давно знаком, одним с ними воздухом дышит. Пустынею непонятно они говорят, а камешка, все понимаешь... И улыбка он всем подряд и говорит: Товарищ! И носиком улыбаются в ответ и дружики что-то кричали. И негру казалось, что люди в Москве все с Лениным часто встречались... Он идет по свободной советской земле, негр из далекой Кении, из страны,

где люди живут в кабане, но где тонко слышат о Ленине. Солнце весеннее щедро льет тепло свое на столицу. Негр по гулящей Москве идет с красным цветком в петлице. И видит: вот он, невадлеке, в свире, где пенится зелень, на пьедестале в красном платье, в близком солнечном, бронзовый Ленин. Он словно вышел встречать его не просто как иностранца, а как товарища своей далекой земли посланца... И ветерок как будто прилет в тени отшумевшей тени. И догнул аял у ленинских ног на мрамор положенный негром, подарок народа Кении. К. Колотоя.

Э. ПОТОСКУЕВ

Е С Ъ К А

— Рассказ

ИЗ ПИСЬМА
В РЕДАКЦИЮ

Высылаю вам рассказ «Еска». Историко-популярно описанной в нем, я слышал в детстве от отца, бывшего бойца интернациональной бригады, воевавшей в Урахе.

Мне 25 лет. Работал на Нижне-Татлыском металлургическом комбинате (формационном) — закончил в прошлом году Высш. ин-т в киосках шахлы рабочей молодежи. Печатаюсь только один раз, в местной газете.

Если рассказ «Еска» заинтересует редакцию, буду рад увидеть его на страницах «Смены».

Э. ПОТОСКУЕВ

Еска был вор. Не какой-нибудь доморощенный озорник, гроза и позор родной деревни, а представитель настоящей городской шпаны, специалист по облебенению карманов биченики и по уводу багажа на переполненных беженцами вокзалах. Он родился в городских трубах, семи лет был выброшен на улицу, в восемь лет был первый раз пьян, а в двенадцать уже познакомился с полицейским участком.

За пятнадцать лет жизни Еска испытал многое: и голод, и холод, и тифозную горячку. Страна была в суровых гражданских войнах. Много разного сброда позало по просторам молодой Советской республики, брания оруженки и сев смерти. Нелегко было красным бойцам очищать родную землю от разной погани. Села и города по несколько раз переходили из рук в руки. И во всей этой неразберезе Еска выцепиле глаза виделе только одно: небрежно спрятанный кошелек или плохо охраняемый чемодан.

Ареной Есकीной деятельности были базары и вокзалы. В деревню же он попал случайно. Какой-то зловонный устатый дядя в солдатской шинели и обмотках пинком, ноги вышаркнул его из вагона на полном ходу. К Есकीному счастью, в те времена ход поезда ненамного превращал скорость пешехода. Еска оборвался в крошь, зашлп ногу, но остался жив и ни капли не утратил предприимчивости и энергии. Через четыре часа его уже застлгли в ближайшем селе при попытке похитить курицу.

Рыжий, тощий мужичонка с покрасневшими, должно быть, от лишней порции самогонки, белыми глазами и сопровождаемым толпой баб повел Еску к зданию волостного управления.

— Курей воровать, милот! — почти ласково приговаривал мужик. — Курей, свято хулил Ну, мы тебе резолюцию пропишем.

У волостного управления стояли привозные кони под казачьими седлами. Высокий лысый офицер, вытара глаза платком, что-то говорил с крыльца окружающим его мужиком.

— Ваша благородие, господин офицер! — выглаголю закричал рыжий. — Ворушку поймали! Видеть, хлост бивалый.

Офицер посмотрел на Еску, на его выщипый мешком городской гаджидж, на солдатский картуз с сторонамином козырьком и усмехнулся:

— Вот он, мужички, представитель городского пролетариата. Такой щенок, а уже до чужого ло-

битель. Ну, я думаю, с ним вы и сами управитесь, а с теми пидерскиими городаицами, что сюда пожалуют, мы, уральские казаки, с ващей да божьей помощью совададим.

Параш Еску удалили рыжий. Подскочив на месте, он ткнул его кулаком в лицо. Зло заверещала какая-то баба, и Еска почувствовал, как его жесткие выкри ухватило чья-то сильная рука. Бивалы Еску часто, но страшней всего на базарах. Переполненные самогоном и злобой мужики иступительно коптели вора чехи попалос: ногами, жердями, козьими из плетней.

Не подзоровил Еска и на этот раз. Он извивался, скулил, отчаянно вскрикивал. От страшного удара хрустнула рука. Еска тоненько завыл, его щедашное тело затрясла дрожь.

— Бей Убивай до смерти! — ревели над ним. И уже проваливался кудало в чумноту. Еска вдруг услышал, как где-то адяги згрохотал пулемет и зафиркало, залезало что-то тяжелое, громоздкое. Открыл глаза, он увидел броневики. Над башней развевалось широкое двухцветное знамя: сверху — красное, снизу — черное. На красной половине его было написано: «Вся власть Советам!», на черной — «Смерть мировой буржуазии! Анархия — мать порядка!»

С подножия броневики спрыгнули двое: высокий, сухощавый мужчина и выцветший австрийский мундире и широкоплечий матрос, обмотанный пулеметными лентами, обвешанный гранатами, с музетром в руках.

— Ушли, черти, полосатые, — сплюнул, сказал матрос. — Не может их казачья душа революционные броневики видеть.

На улицу с оглушительным тре-

ском, в клубках сизого дудящего дыма вбежали два грузовика, до отказа набитые вооруженными людьми.

— Опоздали, братишк! — закричал им матрос. — Белобандитская развалда отсюда так сыпалюна, только держись!

— А это что есть тукое! — плохо выговаривая русский слова, спросил высокий, увидев окровавленного мальчугана.

Еску окружили. Высокий присел на колени и платком вытер кровь на Есकीном лице.

— Ты кто есть, мальчон?

— Еска я, — с трудом разлепные разбитые губы, промрнел Еска.

— Ну!! — изумился матрос. — А склжи нам, товарищ Еска, за что тебя так разукрасили!

— Курциу спер!, — хмуро сказал Еска и закрыл глаза.

— Видали, братишк, экспроприатор! — захохотал матрос. — Видать, приобретенный враг частной собственности.

— Наш брат! Анархист от природы, — подхватил кто-то.

— Это есть очень плохо, когда такой мальчик воровал, — твердо сказал высокий. — Это есть капитализм. Быстро санитар сюда. Товарищ Юрьев!

— Есть, товарищ Баргал! — откликнулся боец в матросском бешуате и казачьей папаче.

— Берите наших людей, броневики и очень спешить на Осиновка. — Высокий открыл планшет и достал карту. — Смотрите сюда. Тут наш, тут тоже. Левее отряды Берзина. Тут, наверно, есть белобандит. Наша задача не давать им пробиться и полотно железный дорога. Я с людьми товарища Семенов останусь здесь.

— Неадеждаея публика — эти анархисты, — тихо сказал Юрьев. — Взяли бы лучше наших.

— Вам они нужнее.— Командир спрятал карту и грустно улыбуясь.— Так был мальчик за какой-то курдюк! Мы должны о нем думать, товарищ Юрья.

Тем временем вокруг приближавшихся на машины и охающего Еска, которого перевязывала санитарка, стали собираться крестьяне.

— Кто ж вы такие будете?— опасливо косясь на богатый арсенал матроса, спросил какой-то дадок.

— Мы есть анархо-коммунистический петроградский отряд!— играл матроутом, ответил матрос.— Понял, папаша! Временный военный союз между мировыми революционерами-анархистами и большевиками на предмет раздутья мирового пожара и полного уничтожения контрреволюции. А я есть анархист-коммунист, матрос Баттиский флот, роковая гроза буржуазии Пётр Семенов-Беспокойный! Слыхал такого?!

Дадок испуганно поднялся.

— А ты сквиш, папаша,— продолжал матрос,— за что вы так парня изуродовали? За то, что он вёшу несчастную куртку с голдухи экспортировал?

— Да мы что... мы ничего,— заветлал дад.— В сердцах, сторука. Нор же он... по ем выдать. А народ ночью лютий.

— Лютей меня, папаша, нет! Я вше кулякоче само спяло и прах по ветру развел!— заревет матрос.

— Семенов, остави!— раззо обернулся Варга.

Еска, перевязанного, унесли в здание волостного управления и уложили на соломке.

Один из анархистов распахнул окна, и Еска слышал, как уехали машины и грузовики с бойцами. В комнату вошли Варга, Семенов и еще несколько человек.

— Слушайте меня, товарищ Семенов,— негромко говорил Варга.— Выставь караул, по дороге

на Лебяжье выдвинуть секреты. И учтите, если ваши ребята будут пить самогонка, я расстреляю их на место.

Матрос сморщился.

— Что а тебе скажу, Варга? Тебе бы только офицером быть. «Караулы, расстрелять. Мы, товарищ Баттиский, анархисты. Нам командовать, что на каюте прыгать. Раз—и отпустился.— Матрос развел руками и нехорошо подмигнул.

Смуглое лицо Варги побледило. Большие черные глаза превратились в узкие змеучие щели.

— Если вы хотите революция на самогонка мнать, я вас из своей маузер будо стреляю! Ну!— быстрым, четким движением он раскряки кобуру.

Еска скислся в комок. Сейчас гранат выстрели, и... Жизнь уже кое-чем научила Еску. Он знал, что люди с такими яростными глазами, как у этого парня, выискивают беззащитных в гневе. Семенов-Беспокойный, увешанный бомбами и анархисты, сорвавшие карабины с плеч, казались жалкими и беспомощными перед этими выисками сутулым человеком. Видно, и Беспокойный понимал это. Он шумно вздохнул и улыбуясь.

— Ох, и отчаянный ты человек, товарищ Варга! Штук не понимаю. Что а сам не знаешь— без караулов нас казаки теленкихи вырежут. Все сделано, сам проверю, товарищ командир.— Он небрежно козырнул и повернулся к Еске.

— Ну, а ты, жиган, дымишь еще! Деть, поди, хочешь? Матрос достал из кармана банку консервов и ловко вскрыл ее ножом.

— Братчишк, брось-ка хлеба! Движения у него были ловкие, уверенные. Нарезав хлеб толстыми ломтиками, он придвинул его Еске.

— Ешь. Это хоть и не курдюк— консервы из солонины, но ешь можно. Давно по свету гуляешь?

— С восьмью,— солидно ответил Еска и, почувствовав неординарный прилив доверия, добавил:— Ворую все.

— Плохо, брат. Ну, мы эту жизнь поломаем. Новую выстроим.

Вся братчишка, обаче сделавшая так что воровать не у кого будет. Никаких помещиков, никаких купцов и фабрикантов, никаких начальников, остаётся только как хочешь, так и живи. Во как!

— Как хочешь, так и живи!— наשמилво повторил Варга.

— Ну, конечно, если кто и контрреволюции грести намчет или на народное добро руку поднимет, разведем котлетки, угодим! Матрос.— А ты, товарищ Варга, что не обведешься? Садись-ка с нами. Смотри, нос у тебя от холода, остыл, так как казанчик клинок.

Анархисты захохотали. Варга обнялся в улыбку белые, ровные затылки.

— Чудак ты, Семенов. Давай будем кушать.— Он сел на пол, скрестив ноги по-турецки.

Кто-то принес кринку парного молока. Пили его из двух железных кружек. Одну отдали Еске, другой пользовались по очереди. Еска не ел, кто жинко подругой рубахой раздудлся, как резинный.

— Ишь, отъелся, точно буржуй!— матрос щелкнул его по корытцу пальцем и не дал.

— Не тронь, мальчик спать хочет,— сказал Варга.

Еска блаженно улыбуясь, осторожно прижал к себе перетянутую руку и заерял глаза.

Неслышимо подкрался вечер. Барговое солнце лениво скользило за горизонт. От балок потонуло холодом, длинными тенями пологая темнота. Наступила летняя короткая ночь.

Довольно посиставив носом, спал Еска. Разметавшись на соломке, покрывшая зубами, тёмным сном забился матрос. Варга встал, вынул из кармана сального огарка шестелет сумажки. В открытые окна веяло свежестем. Варга сладко потянулся, встал, поправил на Еске сбившийся пояс, двинул на окурки и, осторожно перешагивая через спящих, направился к дверям.

На околице сухо щелкнул выстрел. Из темноты возникли силуэты людей. Они молча неслись по улице, размахивая тускло мерцающими фонариками.

— Пропали черт-анархисты!— зло выругался Варга и, вскинув маузер, выстрелил. В тот же миг тизера раскололся прозвонительными разбоянными свистом.

Еска пришел в себя пераым. Забыл про боль в руке, он колбочком перекачелся через подоконник, перемаяхил через плетень и понался проворно в дворок. Позади раздался взрыв гранаты. Втанув голову в плечи, Еска во весь дух несся по огородам, пугаясь в ботве и проваливаясь между грядок. Чуть-чуть мороз подернувшись под ноги, зазмеинуло. Еска повалился на землю.

— А, вон ты где,— зашипел кто-то рядом. Еска поднял голову иazole своего носом увидел поблескивающие злые глаза рыжего мужичонки.

— Опять попался, вражий сын! На улице, возле управы, снова бухнула граната, заработал пудельный. Рыжий тинкусь носом в ботву, зашептал: «Господи милосердие!»

Еска хотел приподняться, но мунчик схватил его за плечо.

— Стой, мунчик! Телерить от меня не уйдешь!— Он сцепился с Ескей и шипел ему в ухо:— Конеч теперича твоим большевикам да антихистам. И тебе, свята душа, несдобровать.

— Листи,— застонал Еска.— Больно.

— Молчи! Убью!— дино вытарщива глаза, захрипел мунчик.

Как, вздрагивая, вминался в сырую землю, так с ним нестерпимо гдады друг на друга, пролежали они до утра.

Когда стрельба стихла, рыжий выволок Еска из укрытия и сдал казакам.

— Вот, сам я его изловил! Он было хотел бойной мени, да со мной не шлоно. Ворога он и не иначе, как шибко изжил.

— Еска побобоваял прикинулся дурячком, что место вырвало его на вокзалах, но разговораче его на нем не стали, дали раз два по зубам и втокнули в сарай, возле которого стоял часовой.

— Смотри ты, веселая компа-

ния собирается,— послышался знакомый голос. На полу сарая сидел Семенов-Беспокойный, возле него, положив руки под забинтованную голову, лежал Варга. На его выцветшем мундире, около воротника, расплывалось большое темное пятно. Тельняшка матроса была разорвана до пояса, и излопачивалась мощная золотая груда.

— Живешь!— обрадовался Еска.

— Живешь,— усмехнулся матрос и сплюнул.— Точно, видеть, нам счастье выпало— живыми к белым гадам попался. Ну, садись, рассказывай.

— Собака эта рыжка мени опять палила. Ты как?— участливо спросил Еска.

— Мы? Что... Уйти хотели, да где там. Навалились кучей, как черти. Берн, кривач, комиссаров везли, поворачивать Варгу по гололому рубушкин, а меня, как заребца, арканом зацепил. Табуцишк, видеть, какой-то, ловко зацепил. Ну, ему, правда, придется челюсть вставлять. Природную у я него не вытискивать, вытискивать.— Матрос довольно захохотал.

Варга шевельнулся и застонал. Семенов нагнулся над ним:— Что, товарищ Варга? Видеть, что?

— Нет, ничего.— Чуть слышно проговорил он по-немецки.

— Бредит все по не-пашему,— вздохнул матрос.— Да, братчишка, понаешь, почему во щё. Жидки по-собачьи и мундир по-собачьи прицепил. Знаю я этих казакоч. Стрелять не кабуд, шахиин под котелку ишинукут. Эх, черт-дьяволик! Он приподнял голову, ноги в дачку, вытиски чертова контрреволюция, брось табачку!

— И так дохнешь,— донеслось из-за двери.

Варга открыл глаза:

— Товарищ Семенов, не надо кричать.

— Очулиси!— обрадовался матрос.— А я уже думал, так и отдашь богу душу. Курить охота, а эти черти мой кисет на память взяли.

— Посмотри мой карман. Там должен махорка быть.— Варга попытался повернуться на бок. Матрос помог ему, и пошарив в кармане, вынул целую щепотку махорки, перемешанной с хлебными крошками.

— Не богато. Но на безрыбье и рак годится.

Вспыхнув табак, он извлек из кармана обрывок газеты: «Сернул. В полумраке ярико вспыхнул огонек, затрещал.

— Как бы порох не попал,— давал бы заметил Еска.

— Пусто, — застонал Еска.— Бываю положения хуже, да редко.

— Семенов заложил руки за голову и залеп: «Под знаменем черным гигантской борьбы тесней, вперед, вперед, сваногте ряди!»

Варга поморщился:— Песенка эта... плохо. Давай лучше говорить.

— А о чем говорить?— наשמилво поднял бровь матрос.— Прошлое поднял бровь матрос.— Прошлое поднял бровь матрос.— Прошлое поднял бровь матрос.— Прошлое поднял бровь матрос.— Прошлое поднял бровь матрос.—

— Неправильно,— говорю,— возразил Варга.— Убьют нас, а будущее убить нельзя. Вот маль-

В. И. Ленин среди участников демонстрации, посвященной 24 годовщине Великой Октябрьской социалистической революции.

На Красной площади во время парада войск Всевобуча 25 мая 1919 года. Рядом с Владимиром Ильичем — Тибор Самуэли, Н. К. Крупская и М. И. Ульянова.

ВОЛНУЮЩИЕ КАДРЫ

В Центральном партийном архиве хранятся редчайшие фотодокументы о жизни и деятельности Владимира Ильича Ленина. Многие из них получили широкую известность не только в нашей стране, но и далеко за ее пределами. В дни VI Всемирного фестиваля молодежи и студентов один цейлонский юноша с гордостью показывал русским друзьям пожелтый от времени инквизиционный портрет Ленина, читающего «Правду». Это была репродукция с знаменитой фотографии П. Одула, негатив которой хранится здесь же, в партийном архиве.

Группе советских моряков торгового флота довелось видеть портрет Ленина в халатике рыбака на маленьком безымянном острове, затерянном в безбрежных просторах Тихого океана.

Большую ценность

представляют для человечества ленинские фотоснимки. Но даже самые лучшие из них не могут создать такого яркого представления о творце революции, пламенной трибуне и мыслителе, как документальные ленты кинохроники, которые донесли до наших дней и сохранили на века немые, зримые черты вождя. Мы видим Владимира Ильича в минуты труда и отдыха — за книгой и на трибуне, за письменным столом и на прогулке, в автомобиле и в парке. Мы видим характерную жесткую и энергичную походку дорогого Ильича.

Сегодня мы публикуем наиболее редкие кадры из документальной кинохроники. Снимки сделаны с негативов, хранящихся в уникальном фонде Центрального партийного архива.

Б. ЗОРИН

Октябрь 1918 года. Прошло около трех месяцев после ранения В. И. Ленина. Впервые за много недель Владимир Ильич вышел на прогулку. Он беседует во дворе Кремля с В. Д. Бонч-Бруевичем.

Владимир Ильич вышел из Дома союзов, где только что закончилось заседание съезда по внешнему образованию (6 мая 1919 года).

1 мая 1919 года В. И. Ленин побывал в гостях у рабочих Рублевской водоканалы. В кадре Владимир Ильич перед отъездом прощается с рабочими.

В первых числах февраля 1894 года у ворот дома № 7 по Большому Каменному переулку, расположенному близ Витебского вокзала в Петербурге, появилось маленькое рукописное объявление: «Сдается небольшая комната одному интеллигентному молодому человеку. Третий этаж, квартира 13. Спросить Шарлотту Оттовну».

Объявление висело две недели, мойкр сей размыл его строки, а жилец все еще не нашелся.

Но вот однажды утром, в воскресенье, в квартиру № 13 кто-то тихо стучится. Открывает хозяйка, обуреваемая женою, увидела перед собой молодого человека в коротком черном пальто и поношенной коричневой шляпе. Несмотря на февральскую стужу, он был легко одет.

— Что вам угодно? — спрашивает хозяйка Шарлотту Оттовну, — сказала незнакомце — Я по поводу комнаты...

Молодой человек вышел в переднюю и сплел шляпу. Хозяйка испытующим взглядом окинула его и приветливо улыбнулась — ей понравилось открытое, румяное лицо гостя, добродушная, чуть озорная улыбка, выскок лоб и светлая «студенческая» борода. Вдова вела гостя в небольшую угловую комнату с двумя окошками: одно из них выходило в узкий, унылый двор, другое — в переулок. Обстановку комнаты была более чем скромная: узкая железная кровать, квадратный столик, комод и потертый платяной шкаф. На комод — платяной карносивая ланна с белым ажуром.

— Вы, простите, кто по своим занятиям? — поинтересовалась хозяйка. — Служите где по учебной части?

— Я юрист, адвокат. Состою помощником присяжного поверенного Петербургского судебного палаты. А зовут меня Владимир Ильич Ульянов.

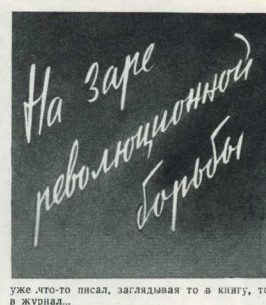
Через несколько минут «контракт» был заключен: десять рублей в месяц, плата вперед, уборка и керосин за счет хозяйки. Шарлотта Оттовна проводила жильца до лестницы и в прощание спросила:

— Документы у вас, надеюсь, в порядке? У нас тут околочный ужасно придирчивый. Ходит все, проверяет, распространяет...

Ульянов на секунду прищурил глаза и уверенно ответил:

— У меня все в абсолютном порядке.

И в тот же вечер Владимир Ильич переехал в новую квартиру. На столе, в шкафу, в ящиках появились стопки книг, журналов, тетрадей. Чтобы не забрызгать чернилами скатерть, он покрыл стол газетой, а в чернильницу поставил на тарелочку. Через час после «новоселья» Ульянов

уже что-то писал, заглядывая то в книгу, то в журнал...

В этой тихой комнате Владимир Ильич прожил более года. Он написал здесь «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демонов?», «Экономическое содержание народничества и критика г-на Струве» и другие работы. Здесь созрела идея создания «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», войны приходили на тайные встречи молодые марксисты того времени.

Сейчас в этой квартире музей В. И. Ленина. Тасичка посетителям открыта в дом № 7 по переулку Ильича, в скромную и опрятную комнату, где некогда жил и трудился Ленин.

В архивах хранится листок с воспоминаниями хозяйки квартиры — Ш. О. Бозь, написанными уже после Октябрьской революции.

Помню, когда передали это Владимиру Ильичу, он сердито засунул руки в карманы и говорит: «Я в участок не пойду. И живу на свои средства. Я помощник присяжного поверенного — так и передайте им».

Григорий Октябрьская революция. Вышла первая советская газета, и вот, помню, я ее купил и принесла домой. Разворачиваю — и вдруг вижу последние большой портрет, а фамилия под ним — Ленин. Лицо на портрете мне показалось знакомым. Кто же это такой?

И тут вспоминаю, да ведь это же наш жилец Владимир Ильич!

Но вернемся к 90-м годам прошлого века. Владимир Ульянов приехал в Петербург в Самара в конце 1893 года, чтобы посетить себя целиком революционной работе. Диплом юриста и революционером, а также адвокатом самарского адвоката помогали ему найти себе помощника присяжного поверенного и по удельному в то время петербургского адвоката М. Ф. Волкенштейна.

Той же осенью Владимир Ульянов вошел в состав студенческого кружка студентов-технологов. Он имел преимущество перед другими студентами кружка Нижнего Новгородского М. Сильяну — студенту Петербургского университета. Огромная начитанность, знание законов, истории, философии, умение точно, глубоко и остроумно излагать мысли — все это позволило Владимиру Ульянову. Скоро он стал руководителем кружка петербургских социал-демонов.

Новые знакомства в Петербурге знала Ильич заводила очень осторожно. Он знал, за ним, братом революционером, казнили в 1887 году за покушение на царя Александра III, установленная жандармская слежка. Кроме того, на нем лежало «пятно крамохи» и «бунтаря», принимавшего участие в 1887 годной сходке казанских студентов 1887 года и высланного за это из Казани. Его материальное состояние было совсем скромным. Идеями следили за ним самого Владимира Ильича, но он настолько тонким и проницательным человеком, что поймать его «с полчищами долгов» удавалось. Он изучил возможность прохода дворов Пятая и умел великолепно лазить по шпалам и флигелям.

Как-то раз, выйдя из здания суда, он заметил следующего из его пятам флигеля. Чтобы сбить с толку шпала, Владимир Ильич быстро миновал ворота огромного двора, обогнул здание, вошел в узкий дворик, стал наблюдать сквозь стекла двери за мчущимся сыщиком.

В рабочих кружках Владимира Ильича знали как «лектора Николая Петровича». Лекции его производили сильное впечатление. Его лекции по истории, философии, политическим школам и кружкам были праздником для молодых рабочих.

В Петербурге Владимир Ильич познакомился с Н. К. Крупской. Первая встреча произошла в одной из рабочих школ. Надежда Константиновна была в то время учительницей Смоленской вечерне-воскресной школы за Невской заставой.

По просьбе Владимира Ильича Надежда Константиновна собирала материалы о труде

ВЕЛИКИЙ ПОЧИН

На фасаде здания дело Сортировской Московско-Вяземской железной дороге укреплено мемориальное гонимое доска с надписью: «Здесь 19-1919 году состоялся первый в стране коммунистический съезд».

А недавно, в юбилейные дни 40-летия Великого Октября, рядом с мемориальной доской появилась стеллиальная вывеска: «Комната-музей памяти Великого Почина».

Экспонаты этого музея собраны участниками съезда и первыми сортировскими съездинцами, бывшими красногвардейцами.

Вниманию многих экскурсантов привлекает фотоснимок паровоза, помещенный на одном из стен с изображением старейшего паровоза «Великий Почин». Вот что рассказали об этом паровозе старые путевые Павел Петрович Дятлов, Яков Михайлович Кисричев и Арсений Павлович Чупин, бывшие делегаты съезда, побывавшим в музее.

Шей 1919 года в Москве состоялся съезд на собрании ячейки РИП(б) dello Сортировского завода был принято решение подготовить маршрутный пункт для поездки на Урал за хлебом — в Москве было очень тяжело с продуктами.

Съездинцы проводились по дорожкам «Хлеб — Москва» в течение нескольких, трудных ночей провели

железнодорожники за работой в депо. И вот на путях стоял готовый паровоз, а в вагонах — сорок тонн муки, сорок тонн сахара, сорок тонн товаров народного потребления № «330-У». Начальником поезда был назначен молодой коммунист Рышков, комиссаром — Дятлов. Маршрут намечался до Челябинска и обратно. Осталось теперь лишь получить удостоверение Московского Совета.

Часов в 11 утра прямо из депо, не успев передохнуть, Рышков и Дятлов отправились в приемную Московского Совета. Здесь им пришлось подождать, пока начекают документы. Вдруг откликнулся и пригласил быстрой походкой вошел Владимир Ильич Ленин. Палато Ульянова было нараспашку, в левой руке он держал пенку, Владимир Ильич указал двух железнодорожников в замаскированных спецодеждах и подошел к ним.

Здравствуйте, товарищи! Сидите, пожалуйста...

Сели, нынче точно опустился на стул. Спросил, по какому делу приехали.

Дятлов рассказал Владимиру Ильичу про решение партийного комитета про то, надо ли в это урочное время рабочие ретроинвентаризировать паровозы и вагоны. В. И. Ленин внимательно выслушал его, а затем сказал:

— Мне очень нравится, что инициатива исходит от вас самих, что она родилась в ваших условиях, вы сами думали, сами выбрали для Москвы! Очень хорошо, что вы сами выбрали в приемную Рышкова, берем с собой двух слесарей, двух плотников, двух смазчиков. Не забывай и про углярей. Путь дальний — все может случиться.

— Задачу произнес Ленин, — путь дальний и, кроме того, очень опасный. Вы будете ехать по ледяному отступающему болвану. А люди, которые сопровождают поезд, должны быть очень хорошо знакомы с маршрутом.

— Добровольно, Владимир Ильич! Все по своей охоте.

— Это очень хорошо. И еще раз повторю! — Путь опасный. Будьте осторожны. Вот смотрите, Илья, со стола на мой-то журнал, начертил на его обложке схему пути до Урала. Вот Москва. Вот Челябинск, куда вы поедете... Вот Пермь, а здесь река Кама. Большой железнодорожный мост через Каму взорван Колячанином.

— Все по своей охоте. Чувствовалась отцовская забота о людях.

Рышков достал мандат и передал Владимиру Ильичу. Ленин взял документ и, узнав, что мы работаем в депо Сортировской Московско-Вяземской железной дороге, указал: в то дело это самое дело, в кото-

ром зародились первые съездинцы.

— Да, Владимир Ильич, — ответил Дятлов, — это от нас пошли коммунистические съездинцы, а организатором съезда был Иван Бураков.

— Правильно, — мандат обратил Рышков, а тут и говорит:

— Конечно, Владимир Ильич, не удивляйтесь об этом рассказе. Тут нарком Щургула уже подлисался, а вот если бы и вы еще подлисался...

— Да заче! — Для подкрепления, Владимир Ильич.

— Для подкрепления? — улыбаясь, перебриснул Ленин, и ворочаясь по сторонам, добавил: «История наших глаз». Ну, что ли, раз для подкрепления... Он размялся, написал Председателю Совета Народных Комиссаров В. Ульянову (Ленину), потом написал, кратко полагая машинистку руки и сказал: — Снастиговко в пути.

И вот два дня эшелон тронулся в путь. Мост через Кама, как и говорил Ильич, был взорван. Москвичи вначале загрустили. Но Ленинская «поддержка» помогла. Вперед вышел эшелон, а за ним, поезда идет за хлебом по расписанию. Паровозы и вагоны быстро переправили наш паровоз и вагоны через реку на баржах. Из Москвы на Урал за хлебом, эшелон двинулся к станции Диняруль. Здесь чувствовалась напряженность. Делегаты Колячки были в сотне километров, на грунках

и быте рабочих. Один из таких материалов — в положении на фабрике Тортона — послужил Владимиру Ильичу основой для листовки к тортоновским рабочим.

Владимир Ильич посетил многие рабочие и студенческие негладкие кружки, зорко приглядываясь к молодым людям и отбирая для себя наиболее смелых, деятельных и целеустремленных, чтобы из них выковать рабочих. Такими были Бабушкин, Ваневс, Князев, Боровиков, Бодров и многие другие.

На квартире у молодого рабочего-машиниста Афанасьева образовался клуб кружков, куда приходили Ленин и другие революционеры. Здесь закладывались основы «Союза борьбы за освобождение рабочего класса».

Ядром «Союза борьбы» была небольшая группа — Ленин, Кржижановский, Старков, Вапорец, Ваневс.

Поскольку это еще небольшая и не очень большая организация, — говорил Ильич, — но с течением мы превратимся в большую и сильную революционную партию. Я твердо верю в это!

Учредительные кружки, петербургская организация установила связи с рабочими московских фабрик, выпустила несколько агитационных листов, имевших большой успех среди рабочих.

Организована стачка на петербургских фабриках производных текстильной фабрики.

В конце 1895 года Владимир Ильич выезжал несколько месяцев за границу. Официальным поводом для поездки было лечение после операции легких. Но в действительности главной целью поездки было желание встретиться с Плехановым и его группой «освобождение труда». Ильич посетил Швейцарию, Германию и Францию. Осенью того же он вернулся в Россию. Опять Петербург, та же революционная борьба, опасность.

Враги Ильича, кроме уличных ишек, у полчищ были еще и провокаторы, которые орудовали внутри петербургской организации революционеров. Таким был, например, зубной врач Михайлов, сотрудничавший в охране. Этот предатель сумел часами развлекать, о Ленине, Кржижановском и в конце концов выдал их. Владимира Ильича арестовали в ночь на 15 декабря 1895 года — в ту самую ночь, когда был окончательно подготовлен к печати первый номер газеты «Рабочее дело». Газета увидела свет. Члены «Союза борьбы» были брошены в тюрьму.

Так закончился петербургский период жизни и деятельности Владимира Ильича Ленина. Это время имеет важнейшее значение для истории революционного движения рабочего класса России.

А. ВЕРБИЦКИЙ

ИСТОРИЯ ОДНОГО ПОРТРЕТА

19 июля 1920 года в Петрограде на дворе Урицкого открылся II съезд Коммунистического Интернационала.

В. И. Ленин выступал с докладом о международном положении и основных задачах Коминтерна. Он рассказывал о росте коммунистического движения во всех странах мира, о грядущей победе диктатуры пролетариата. Делегаты внимательно слушали и вглядывались в лицо оратора, стараясь не пропустить ни одного слова, напечатанного на карточке слова мирового пролетариата.

В тот день художник И. И. Бродский, находившийся в нескольких шагах от трибуны, на листе бумаги набросал карандашом портрет В. И. Ленина.

Через несколько часов после открытия конгресса Владимир Ильич вместе с делегатами присутствовал на Марсовом поле в ознаменование вехов на могилы борцов за революцию. Там же находился Бродский. Приблизившись к Ленину, художник расправил свой альбом и зарисовкой начал портрет, сделанный на открытии конгресса, и отпустил Владимира Ильича, поставив на портрете свою подпись.

«Пристально встретившись в карандашный набросок — вспоминал позднее художник — Владимир Ильич ответил мне, что он не похож на себя, обнаруживающее глаза убеждает Владимира Ильича в том, что он очень похож, — совершая ошибку, признавая своего лица в профиле и что портрет, без сомнения, удачен. Владимир Ильич ужаснулся и принялся подписывать рисунок.

Первый раз в жизни подписывал он рисунок с меня. Я был согласен — сказал он с улыбкой, сдержавшей мне обратно набросок.

На рисунке иные своей подписи И. Бродский и дата работы: «1920. II Всемирный конгресс. III Интернационал во дворе Урицкого».

А. ТАРАСЕНКОВ

переходах орудовали белогвардейские разведки.

Взрыв произошел в Дикреле бездействовала. Слесари быстро отремонтировали и направили в путь. Тридцать два все вагоны были загружены мукой и зерном. Радуясь успеху, инженеры выехали в обратный путь. В Уфе начались дорожные работы. Местные рабочие шелозна с хлебом, отдал по линии приказ: «Поезд Ленина пропускать без задержек». Рабочие даже вывесили на новые дева. Когда в «Правде» появилась заметка о том, что на съезде Ильича назвали «Поезд Ленина».

Высокая оценка В. И. Ленинского успеха инициативы, которую он затеял напутствие первому шло железнодорожникам. Сортировочный отряды шелозна за этот сахаром. Состав повел брат Павла Петро-ва Дитлова, машинист Петр Дитлов. Паровоз был все тот же — «530».

Случае еще несколько месяцев, 1 до дня Всероссийского съезда съезда был отменотирован. В тот же день в 12 часов на паровозе шелозна за этот сахаром. Состав повел брат Павла Петро-ва Дитлова, машинист Петр Дитлов. Паровоз был все тот же — «530».

бург. Начальником поезда назначили машиниста Чулина. В паровозную машину также попали двое машинисты Саша Селезнев и Михаил.

В Оренбурге приехали рано утром. Командант станции провёл первую проверку в вагонах. В одном из вагонов, стоявший на запасном пути, сидели два человека. Один из них — мужчина среднего роста, в гимнастерке, с небольшими русыми усиками и бородой. Глаза у этого человека были строгие. Пригласив сесть, он расспросил, куда и зачем идет шелозна, исправил ли паровоз и вагон. Узнав, что все в порядке, он сразу же приказал поехать.

— Оренбург не имеет дрова. Подвезите их издалека. В вагоне, в котором, прежде чем грузить хлеб, поговорите нам доставить дрова со станции. Если не получится, предложите мне. Придя в вагон, он объяснил товарищам новую задачу. Тут Чулин развинул блонный листок и изложил содержание. Командиром турфронтон М. Фрузе».

«Стоять тихая лунная ночь. С обеих сторон поезда попутная смена. В вагоне, в котором, прежде бестелы две полосы рельсов, бегущих навстречу паровозу. Машинист Абашкин осторожно вел

состав. До станции Кавандык от Оренбурга всего сто верст, а ехать пришлось всю ночь. Прибыв к станции не решились, помини, что на пути шелозна беззащитна: подруги и рельсам по 10—15 пар быков и расстать на стороне».

В тот день Чулину снова назначили паровоза, решил их тоже загружать дровами, надеясь, что его паровоз, как называли паровоз этого марки, дотянет и 60 вагонов. А когда дрова погрузили, пришел начальник станции и, махнув рукой в сторону, где стояли 10 вагонов-холодильников, предложил: — Момент, и эти возмезте? — С чем они? — спросил Чулин. — С мясом.

У Чулина загорелись глаза: Мясо, да не всякий! Возмезте! Прицепили и эти 10 вагонов. Шелозна растянулась почти на полтора версты. Паровоз с трудом сдвинулся с места тяжёлый состав.

Возвращение в столицу было радостное: велик 40 тысяч пудов хлеба, около 7 тысяч пудов мяса.

«Быстро шло время, 10 марта 1920 года открывался XVIII съезд партии. Это было — мае исполнилось двадцать лет со времени первых коммунистических съездов партии на Казанке. Коммунисты решили отметить эти два события организацией нового съезда».

В день открытия XVIII съезда партии к 8 часам утра в дело собрались коммунисты — участники первых съездов партии: Василий Евграфович, Буранов Иван Иванович, Кабанов Михаил Антонович и многие другие. Вместе с ними на траурную вахту встали и молодые железнодорожники, свободные в этот день от своей основной работы. Подели на канаву исторический паровоз «530».

Все дрова были пристыжены к делу. В 3 часа вечера ремонт паровоза был закончен. Ночью залили водой, загрузили топку, подлили пары. Паровоз, загудев, плавно вошел на рельсы основных путей. Ветераны Великого Починка, как и двадцать лет назад, проехали паровоз по ленинскому «Интернационалу». Так была возрождена замечательная революционная традиция коммунистических съездов

Исторический паровоз «530» и по сей день в строю. Он находится в эксплуатации на Перовском вагоностроительном заводе под Москвой. От раскопок в музее об одном экспонате музея памяти Ленина Починка.

И. СМЕРНОВ

КАЗАХСТАНСКАЯ МАГНИТКА

Фото В. Темни.

Здесь заложен фундамент первого казахстанского магнитного доменного мартена 40-летия ВЛКСМ.

ране колхозного клуба. Фильм строителях и целинниках зарян в душе девчат мечту о жизни в далеких краях, на больших стройках. И когда райком комсомола стал отбирать молодежь, работы на Востоке, они сразу подали заявления.

Старушки сокрушались, отрывали девчат: — Помните наше село: обратю пешком пойдете. До Краснодара группа добровольцев — девчат из станицы Константиновской — добиралась автомашинами. Там одна из шестнадцатилетнюю Юлю Мишину, сядили: у нее еще в паспорте было.

Всю дорогу девчата почти спали. Часов до двух ночи и рассветали и приехали в Темный Тау безголосами.

Подругам нишет теперь юная молодежь родной станицы Вера Новосольцева пересказывает с девятью одноклассницами. Она всех агитирует приезжать в строительство Казахской Магнитки. — Первой девушкой встречать, наверное, ту же Юлю Мишину, которую в

Б стопирование начали в три часа дня. К полуночи котлован под фундамент первого генератора ТЭЦ успели заполнить бетоном лишь наполовину. Прекращать закладку? Нельзя! На таком морозе бетон затвердеет, и в фундаменте возникнет опасный шов. Но и продолжать работу эта смена не могла. Люди устали до предела. Прораб сел в грузовую машину и помчался в поселок. У дома, где жил бригадир плотников-верхолазов Николай Мутт, прораб выскочил и постучал в окно:

— Эй, слышь, Николай! Поднимай ребят!

Вдвоем они пошли от дома к дому, тревожно барабани в двери, поднимая верхолазов с постели.

Три друга — Борис Митфкин, Василий Бортыняк и Петр Шишкин — собрались быстрее всех. Встать по тревоге для них — дело привычное: они недавно закончили службу в армии и приехали в Темный-Тау по комсомольским путевкам.

Всю ночь на тридцатиградусном морозе одиннадцать молодых верхолазов принимали и укладывали бетон. Фундамент был полностью забетонирован.

На строительстве Карагандинского металлургического комбината — два ударных комсомольских объекта: ТЭЦ и первая домна.

Над степью пока поднимается только широченное основание домны, а комсомольцы уже дали ей почетное название — имени 40-летия ВЛКСМ.

В плане строительства записано: первую очередь Карагандинского металлургического завода — две домны — пустить в конце шестой пятилетки. Срок малый, сделать еще надо очень много. Ветра там, где должны бунтовать доменные плавки, пока гуляют бурные вихри. Но первое же знакомство с молодыми строителями Темный-Тау вселяет уверенность: планы будут осуществлены. Казахская Магнитка даст металл в срок!

На строительстве ТЭЦ работают

Смена окончена. Строительную площадку ТЭЦ покидают молодые одноклассники-верхолазы во главе со своим бригадиром Николаем Муттом.

Маленький эстрадный оркестр болгарских добровольцев выступает перед молодыми строителями Казахской Магнитки. Сопровождают сваращин А. Антелов поет шуточную народную песенку.

три неразлучные подружки, три кубанские казачки — Вера Диденко, Вера Новосольцева и Вера Солодилова. Прораб хорошо знает их и раздает сменные задания, старается не разлучать подруг. Они всегда и всюду вместе. И вечерами, когда в коридоре молодежного общежития вдруг раздаются задронные кубанские песни, все безошибочно определяют: пятнадцатая комната идет с работы...

Три подружки родились в станице Константиновской. Работали они в одном колхозе и даже жили по соседству. Никуда дальше районного центра они не выезжали и видели огромный мир лишь на эк-

сплоном году вернули домой из Краснодару.

Прожили кубанские девчата казахстанской степи всего полгода, но уже говорят: «Знаю дедушку, «знаю город». «Знаю, откуда в этих местах надолго...»

Комсомолец Иосиф Романов приехал из Львова после окончания строительного техникума.

— Были у нас назначения из Украины, но мы с ребятами в горах решили... Крепкая же е морозы! А рукавицами нам приходится пользоваться: неудобно кусачками вязальную пряжу скручивать. Ничего, придет уже! В рукавицах работать все равно что в мешке танцевать!

Главная улица
после строительства.

На стенных просторах бураны особенно сильны. Метель застилает все вокруг, исчезают даже строения ближайших зданий. Непогода строится вкрутую, навали головы и зажмурившись, щипит глаза, домит зубы, точно сбивуд воды из проруби...

Зима — самое тяжелое время в лесных местах. Иногда приходится врываться вручную в арканый грунт, доводить до требуемых размеров котлованы, вымтые экскаватором. В январе, когда ударили сорокаградусные морозы, бригаде бетонщиков-монтеров, в которой работают молдыш Ричардас Ианаус-

Секретарь комитета слесарь Николай Сорokin собрал добровольцев — техника Зою Цыганову, арматурщиков Николая Конохову, Андрея Пархоменко. И каждый день после работы ходили они помогать товарищам.

В узкой комнатке, где разместилась редакция многоотражной газеты «Строитель», на столе лежит словарь, какой вряд ли увидишь в редакции центральной газеты, — «Русско-болгарская реченка». Раз в неделю многоотражка выпускает полосу на болгарском языке для добровольцев, прибывших в Карагану из Болгарии, чтобы помочь строителям и самим поучиться у русских братьев.

Как-то в затайной жестокости буран на карагадинском шоссе застряла машина. Один из пассажиров вылез из кузова и пошел пешком. Семидеять километров отхалал он сквозь вьюгу, и когда добрался до обочины и начал старательно растирать только одну ногу, ребята забеспокоились:

— Снимай сапоги, растирай ноги!

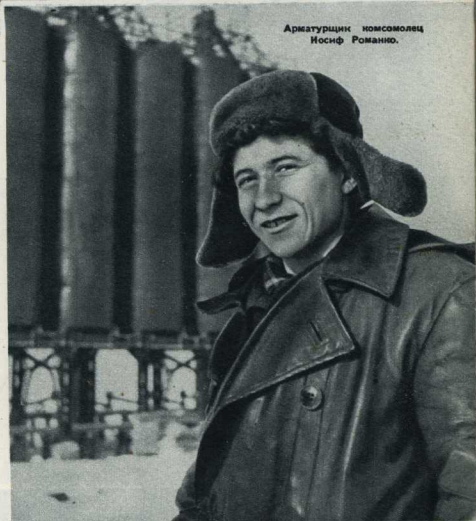
— О второй ноге не беспокойтесь: протес!

Это был болгарский экскаваторщик Владимир Колев, необычная биография которого широко известна на стройке. Осенью 1944 года, когда советские войска форсировали Дунай, Владимир вместе с товарищами сразу же вступил добровольцем в Болгарскую народную армию. Фронтовые дороги провезли его по Македонии, Югославии, Венгрии и Австрии. В армии он стал коммунистом. После войны, когда в Болгарии началось строительство большой плотины, Владимир в числе первых пришел на эту стройку. Работал на советском экскаваторе «Ковровец», он трудился так же самоотверженно, как и боролся плечом к плечу с советскими воинами от фашистского ига. За работу на стройке Владимира наградили орденом Димитрова.

В январе 1953 года с Владимиром случилось несчастье. Вышел из строя экскаватор, на котором работал неопытный парнишка из Москвы. Ребята добили землю поворота кабины. Владимир уже заканчивал ремонт, когда Христо, сидевший в кабине, нечаянно включил механизм. Ногу Владимира затянуло в шестерню...

— Ну, какой ты теперь экскаваторщик? — говорили ему соседи по большой койке. — Будешь газету на улице продавать.

Но Владимир оказался волевым парнем. Ему сделали протез, и через три месяца он снова сидел в кабине «Ковровца». Правительство наградило «жесточенного экскаваторщика вторым орденом Димитрова.

Агитаторчик комсомолец
Иосиф Романов.

и Георгий Семенов, поручили выкопать траншею четырехметровой глубины. Экскаватор к этому часу подоити не мог, нельзя было наладить и электрогрей втула. Ребята добили землю стальным клином, обрубавшая на него удары полуодной кувалды.

— Сами понимаете: чем быстрее закладка, тем прочнее фундамент. Помогать надо...

Болгарские друзья прибыли в Темир-Тау в середине прошлого лета. Многие из них до этого не имели никакой специальности. Здесь они учатся укладывать бетон, сваривать стальные конструкции, управлять механизмами. Дафинка Петрова, например, была воспитательницей детского сада, теперь она маляр. Елена Петрова, Клара Заркова и Радака Филиппова работают в конторе, а сейчас стали мотористками. Они помогают возводить Казахстанскую Магнитку — один из мощнейших металлургических комбинатов Советской страны, помогают строить новый социалистический город.

Развернув большой план бузучего города металлургов, техник Светлана Пискунова рассказывает:

— Четыре года назад, когда к выборам готовились, агитаторам не нужно было далеко ходить: весь поселок состоял вот из этого квартала. Сейчас в поселке насчитывается двести зданий, есть средняя школа, больничный городок, кинотеатр «Восток»... А через несколько лет...

Мы снова склоняемся над планом, рассматривая маленькие квадратники, которыми обозначены дома для рабочих. Двести тысяч жителей получат квартиры со всеми удобствами. Улицы — в шести-

десят метров шириной. На берегах искусственного озера поднимется красивая набережная, разместятся водная станция и стадион. В городе будет много школ и ремесленных училищ, пять техникумов, политехнический и строительный институты, Дворец металлургов, несколько клубов, публичная библиотека, телевизионный центр. Темир-Тау станет городом зелени, чистого воздуха и света...

Темир-Тау в переводе означает «Железная гора». Через несколько лет здесь заработают во всю мощь металлургический завод. Ни один завод мира не сравнится с ним а совершенстве технологии.

А пока идет стройка. Комсомольцы заводоуправления уже начали составлять ее историю, с помощью магнитофона и двух кинокамер они сохраняют для будущих поколений самые интересные события строительства. И когда историк будут писать о стремительном создании в пустынной степи огромного металлургического комбината и города-сада, они обязательно скажут: все это выстроили тысячи молодых добровольцев, которые выстояли против всех трудностей, как настоящие герои.

А. ШАМАРОВ

фото М. Муразова.

Беспокойные сердца

Над заводом встает утро. По широким, еще не прокопанным от весенней слякоти дорожкам идет первая смена.

К литейным дворам, маршам, прокатным станам, пультам управления спешат молодые металлурги, чтобы сменить товарищей, чтобы ни на минуту не прерывалось клапанное миталла в печах, не останавливался стремительный бег раскаленных слитков, чтобы дыхание родного завода было ровным и неизменно могучим.

На изрытую, поросшую пылью площадку совсем недавно началась битва за домну, идут молодые строители. Через минуту они сменят своих товарищей, встанут у рычагов кранов, возьмут в руки сварочные аппараты, лопату или мастерок, будут везти арматуру, укладывать бетон, возводить опалубку, строить, строить, строить...

У них горячие сердца, у этих металлургов и строителей, работающих сегодня бок о бок на одной заводской земле. И куда бы они ни шли, какое бы дело ни делали, они шагают твердо и труятся вдохновенно.

Чистое, свежее утро встречает идущую смену...

УТРО МОЛОДЕЖНОЙ СТРОЙКИ

Почти каждое утро Олег Гречковский поднимается на высокую эстакаду и оттуда ожидает взглядами всю строительную площадку. Эта площадка, наполненная гулом, грохотом и лягом машин, была новым цехом завода — особенным цехом, который не делал еще ни тонны металла. Олег только мысленно мог представить себе сокращающую громаду доменной печи, обитую стальными трубопроводами. А пока здесь работали бетонщики, монтажники, электросварщики, плотники. Тысячи крепких и умелых рук воплощали в железе-бетоне то, что было начертано в нескольких томах рабочего проекта.

Все здесь росло стремительно. Совсем недавно ковшом экскаваторов со скрежетом врезались в мерзлый грунт, выбрав первые кубометры земли, а сегодня над фундаментом печи уже поднимается металлический кожух домы. Да и сам Олег Гречковский,

казалось, только вчера работал канавником в маршевом цехе завода. А сегодня ему, комсоргу новостройки, приходится решать куда более сложные задачи, замирать подрядчикам, просить, настаивать, требовать...

Доменная печь росла, опережая установленные сроки. Когда отнюдь не из проробов осторожно замечал о ломке утвержденного начальством графика, комсорг только посмеивался:

— Не зря нашу стройку называли комсомольской!

На площадке работали двадцать три молодежные бригады — более шестист человек. Они умели драться и побеждать.

Пять суток отводилось на ук-

ладку бетона в фундамент печи. Комсомольцы решили выиграть сутки.

Ранним утром 17 февраля все собралось на митинг, посвященный началу бетонирования. Моросил дождь, в прутьях арматуры посистывал ветер. Говорили кратко, о самом главном. Петр Михайлович Жаров, старейший бетонщик, вручил выдобрывалы парням из бригады Петра Осипова — лучшей бригады стройки.

— Вам, — сказал он, — выпала честь уложить первые кубометры бетона.

И когда тяжелой самосвал, бросив бетон, двинулся от котлована, штурм начался. Чтобы войти в новый график, предложенный самими комсомольцами, надо было укладывать каждые сутки триста девяносто кубометров бетона. В первые сутки требовалось уложить девяносто тридцать — почти в два с половиной раза больше.

Дрались не только бетонщики. В штурм включились монтажники бригады Василия Геца, плотники бригады Петра Куренного, водители самосвалов, все пятьдесят комсомольских постов.

В разгар бетонирования прозвучал тревожный сигнал:

— Кончается щебенка! Гречковский, не спавший две ночи, усталый, забрызганный глиной, влетел в комнату комсомольского штаба и бросился к телефону:

— Трест!.. Кончается щебенка, нужна щебенка! Слышите!

— Будет, не волнуйтесь, — ответили ему спокойно и вежливо.

— Когда?

— Ждите, доставим.

— Нужна сейчас, немедленно! Всем нужно немедленно! Вы не один у нас... товарищ!

Но комсомольский штаб не стал ждать ни минуты. На полу-

ной тротонке в трест явился Илья Казакос.

— Ругайся, Илюшка! — крикнул ему вслед Гречковский. — А щебенка что была! Казакос вернулся злой, но довольный.

— Мы там разговорились с душам, — сообщил он. — Все в порядке. Между прочим, личный контакт с нашими директоратской-комсомольской выиграл почти трое суток — семидесять драгоценных часов! Это была крупная победа.

И в разговоре можно сомневаться, что комсомольцы с директоратской-комсомольской выигрывают драгоценные часы! Это была крупная победа.

И разумеется, можно сомневаться, что комсомольцы с директоратской-комсомольской выигрывают драгоценные часы! Это была крупная победа.

— Олег Гречковский не был художником. Но, окидывая взглядом строительную площадку, в которой сердце урало самосвалов, вспыхивали трельные огоньки электросварки, повсрабатывали стволы кранов, он очень издевался, что не может зарисовать ую молodeжной стройки, помин движения и солнца. Нарисовать все как есть — глыбы выбранные из котлована рыжей земли, шпиль белая арматура, камня и лесоперые лося кожуха, подвисящие фундамент домы. Нарисовать для тех, кто придет к нему да через неделю, через месяц, кто будет работать у горна пять суток, год, десять и двадцать лет. Потому что даже через неделю на фундаменте строительной площадки — то, что открывалось взгляду сегодня...

Перед тем, как направиться в штаб, Гречковский решил взглянуть в сортирочный чех, Александру Семеновичу Соловьеву — машинисту пятого стана.

— Выдел я твою хозяйство, покаянная Олегу руку, сказал Александр Семенович. — Растете, как не дрожжак.

— Растем, — усмехнулся Гречковский. — Так ведь и половина подошла! Орлы! Три дня назад пришло десять человек из Отдела строя, почти один децата. Выянем профессию — оказалось, мы лярны. Рано, говорим, пришли, нас пока алларам делать нечего. А оин: «Ставьте бетонщикам!»

— Боевые, — кинула головой Соловьев и неожиданно спросил: В мартовский не тает?

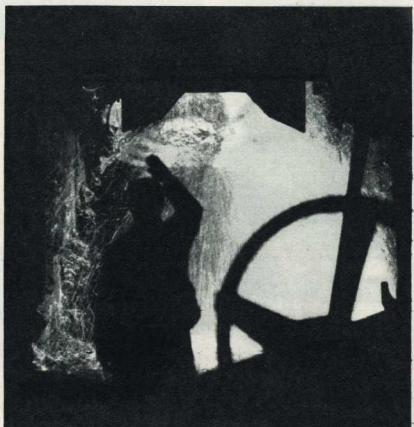
— Тает, — признался Гречковский. — Но на стройке дел много. А я к вам, Александр Семенович, с просьбой. Хотят ребята встретиться с вами, послушать о вашей молодости, о революции, о Ленине. Может, выберете часок-другой, взглянете в общестиней!

— Обязательны приду.

Гречковский вышел на улицу. Посмотрел на высокие трубы ма-таноского цеха, плотнее занял куртку и шагнул на строительную площадку — туда, где ждала его рабочая работа.

МИНУТЫ... ТОННЫ... РУБЛИ...

Рядом со строящейся домной, старых цехов металлургического завода имени Петросского, бил пулс размеренной, давно установившейся трудовой жизни. Но и этой жизни были свои тревожащие напряжение. Люди, все

Бессемеровский чех. В конвертер подан кислород, продувана мугуна началась...

сердцем отвечая на призыв партии, упорно боролись тут за каждую тонну сверхпланового чугуна и стали.

На рабочей площадке мартеновской печи стояли сталевары и их гость, знатный шахтер Николай Мамай. Гул мартенов заглушал голоса, говорить приходилось громко.

— Утром я был в рельсобалочном, — с исправки Мамай почти кричал. — Там мастер Рудников по пятнадцати тонн плюсует. Молодцы у него ребята!

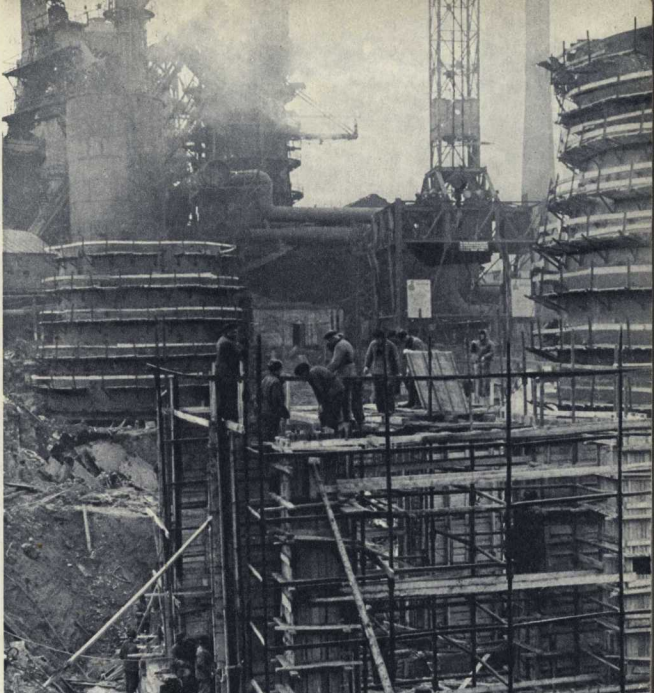
— А разве им не можем! — загорчился Иван Шлак, сталевар второй комсомольско-молодежной печи. — Трудно, но можем. Драться надо.

Мамай засмеялся:
— Без драки не получится. А резервы есть?

— У нас один резерв — время. Выиграл минуту — хорошо, сэкономил полчаса — победа.

После этой встречи с инициатором ежедневного перевыполнения сменных заданий молодой сталевар Иван Шлак и его бригада повели борьбу за минуты.

В одну из смен комсомольско-молодежная бригада провела две скоростные плавки, выдала несколько десятков тонн сверхплановой стали.

На строительстве «Днепропетровской-комсомольской» работы в самом разгаре.

Дмитрий Праля, один из лучших электриков завода, трудится на стройке «Днепропетровской-комсомольской» и ежедневно перевыполняет задания.

Доменщики, сталевары, валяльщики, операторы, сварщики ведут борьбу за каждую лишнюю тонну металла. Недавно на заводе имени Петровского эта борьба разгорелась с новой силой. В нее включились все молодежь, все комсомольцы. Так началось соревнование за достойную встречу сорокалетия ВЛКСМ...

Когда комсомольцы листопрокатного цеха пришли в красный уголок на собрание, кое-кто из них был настроен довольно благодушно:

— Годовую программу выполнили досрочно, почти триста тысяч рублей сэкономили... Параше место по заводу обеспечено!

Но этот успех не вскружил голову молодым листопрокатчикам. Большинство говорило о недостатках и небрежностях, из-за которых теряются сотни тонн металла... И когда кто-то назвал цифру «700 000» — цифру сверхплановой экономии, за которую предстояло драться в новом году, мнение собрания было единодушным: утвердить, принять как боевую программу.

А вскоре по заводу разнеслась весть: листопрокатчики выступили инициаторами соревнования за экономию, бережливость и рентабельную работу. Их почти поддержали и доменщики, и сталеплавильщики, и сортопрокатчики.

Заводской комитет комсомола стал боевым штабом, куда стекались донесения из всех цехов о первых победах: скоростных плавках, собранном металлоломе, сэкономленных отпусках, лишние тонны выплавленного чугуна... Комитет проводил рейды «легкой кавалерии», выпускал сатирические «боевые листки» и «молянки».

В этом году молодежь завода имени Петровского обжаловала в комсомольскую копилку четыре миллиона рублей!

ВЕЧЕРОМ, ПОСЛЕ СМЕНИ

Над городом опускались сумерки. Давно уже закончилась дневная смена, на колосниках дождь, вдоль эстакад и заводских путей аспыхивали яркие звездочки огоньков.

В эти часы ожили аудиторы вечерних техникумов, институтов, школ. Их заполнили молодые рабочие завода, у которых, кроме забот о графиках, планах и нормах, была еще одна большая забота — учеба. Вечером в театрах и клубах, в красных уголках начались концерты и спектакли.

Во Дворце культуры имени Ильича шел вечер отдыха заводской молодежи. Оркестр заиграл вальс, закружились, первые пары. Вдур на середину зала, пошатываясь, вышел молодой человек... Через несколько минут его вежливо провели в комнату, на двери которой висела табличка «Штаб комсомольских патрулей».

— Иди проспись, — посоветовали ему парни с красными повязками на рукавах. — А если еще раз попадешь в эту комнату — в милицию отправим как злостного хулигана.

Комсомольские патрули с завода имени Петровского пользуются заслуженным авторитетом во всем районе. Руководит ими Григорий Бобошко, бывший моряк, недавно пришедший в мартеновский цех после службы во флоте. Этот смелый, волевой парень и возглавил борьбу с хулиганами и пьянцами,

Мартеновский цех. Стопор открыт, сталь хлынула в изложницу...

Комсорг шоферов Антон Тернавский показывает своим товарищам пример в труде: перевозит в полтора раза больше грузов, чем положено по норме.

На сборке куполов отличился бригадир гравляют П. Арестов.

Комсомольский штабной комсомольский листок «Боевые листки» Горного института, рванский и Алексей гают доменщиков

Строительная площадка. Идет работа.

«Днепротрансэнерго»
которые воз-
ль и М. Констан-
н.

«Днепротрансэнерго»
«Боевой». Студен-
т Владимир Жу-
ковичи пово-
рформить их.

то и дело озаряется всполохами электросвар-
ки первых поясов комода домы.

Комсомолка Валентина Лисогор пришла на завод два года назад. Сейчас элек-
тросварница Лисогор строит «Днепротрансэнерго-комсомольскую».

Комсомолы (слева на-
право) Иван Лаптев, Иван
Шуль, Алексей Белый и
Василий Кириллович при-
были на стройку домы
го комсомольскими путе-
нам. Кадровый рабочий
Александр Семенович Со-
ловьев показывает но-
вичкам завод.

Во Дворце культуры имени Ильича выступает эстрадный оркестр завода. Солистка инженер Люба Бибик немножко волнуется...

С нарушителями общественного порядка у комсомольских патрулей разговор короткий...

которые нет-нет да и нарушали общественный порядок то на улице, то в клубах, то во Дворце культуры.

В первые дни после создания патрулей кое-кто поспеивался:

— Пустая затея... Хулигана никаких патрулем не испугаешь!

Но вот комсомольцы задержали грабителей; пытавшихся обобрать женщину, утихомирили шайку хулиганов, отправили в отделение милиции нескольких распоясавшихся пьяных парней, и отношение к патрулям резко изменилось. Сейчас комсомольцы всех цехов поочередно участвуют в патрулировании, строго следя за порядком.

...В красном уголке пятого молодежного общежития собрались молодые строители: домны, недавно прибывшие на завод по комсомольским путевкам. Затаив дыхание, слушали они рассказ старого рабочего — Александра Семеновича Соловьева.

Большой, трудный и славный путь прошел этот ветеран завода, начавший работать в металлургическом цехе почти пятьдесят лет назад. Он был участником тайных мавок и заводских стачек, вместе

с товарищами — рабочими в 1912 году составил низкая депутат-большевик Государственной думы Григорий Иванович Петровский... В дни революции Александр Семенович служил машинистом на легендарном крейсере «Аврора».

— Никогда не забуду памятной ночи третьего апреля, — рассказывал он ребятам. — Мы, моряки, стояли в почетном карауле на перроне Финляндского вокзала, когда в Петроград возвратился Владимир Ильич Ленин. Мы сопровождали нашего Ильича до самого броневика, с которого прозвучал пламенный призыв к социалистической революции...

Он рассказал о штурме Зимнего, о Втором Всероссийском съезде Советов, на котором был делегатом от моряков «Авроры», вспомнил о героизме молодежи первых лет революции, ее беззаветном служении народу.

— Мы, старая гвардия, завоевали вам великое право на свободный труд. Дорожите завоеванным, не роняйте этой высокой чести!.. Вот вам, дорогие друзья, предстоит решить большую задачу — построить новую доменную печь. Я уверен, вы ее решите успешно, и не сомневайтесь: здесь, на строительной площадке, славному комсомольскому племю прольется новыми героическими делами!

Н. НЕПОМНЯЩИЙ,
Б. ЮРИН

г. Днепрпетровск.

Комсомольцы рельсобалочного цеха в один из субботних дней устроили самодельный концерт. Инженер Светлана Кенис и педагог Георгий Сенченковский исполнили адажио из балета Чайковского «Лебединое озеро».

ПЕРВЫЙ «ДЕНЬ МОЛОДЕЖИ»

Осень 1918 года. Отряды московских комсомольцев уходят на самые тяжелые участки огромного фронта гражданской войны. Много становится в районах комсомола: люди эвейки почти в полном составе становятся в ряды защитников молодого Советского государства.

В январе 1919 года на первом же заседании бюро Московского городского комитета комсомола, на котором я был избран председателем комитета, выяснилось, что во многих районных организациях осталось всего по нескольку десятков членов РКСМ. Нашей главной задачей стало вовлечение молодежи в комсомол.

Время было тяжелое. Холодно и голодно жили тогда москвичи. Выдавалось по карточкам всего по 25 граммов черного хлеба, а меню в столовых составляли в основном суп из селедки на первое и жареная селедка на второе. Пшенная каша считалась деликатесом. Но не трудности волновали нас. Главное, что тогда беспокоило,—слабый рост рядов Союза.

С нетерпением ждали мы открытия VIII съезда партии. Известно было, что на съезде будут обсуждаться вопросы о работе среди молодежи. 18 марта член бюро МК комсомола пошел в Кремль. Шесть дней присутствовали мы на съезде, выискивая для нас серьезные школы. Мы слушали отчетный доклад В. И. Ленина и его выступления по другим вопросам, были свидетелями обсуждения и принятия съездом резолюции «О работе среди молодежи». Нам было ясно, кому из нас, получающих гостевые билеты на съезд—П. Петрову, И. Петручкину, В. Дунаевскому или мне—пришла в голову мысль посоветоваться с Владимиром Ильичем по вопросу роста нашей работы. Ленину мы выдвинули на съезде предложение. В перерывах между заседаниями к нему запросто подходили и разговаривали делегаты. Но достойли ли внимания Ильича наш вопрос? Мы долго рассуждали и пришли к заключению, что посоветоваться с Лениным нам обязательно надо.

В один из перерывов Петров, Дунаевский и я стали искать возможности поговорить с Владимиром Ильичем. Мы ходили по коридорам, выбирали удобный момент, чтобы подойти к Ленину.

Вот Владимир Ильич разговоривает с одним из делегатов только что закончившегося I конгресса Коммунистического Интернационала. Затем к нему подходит делегаты съезда. Наконец, закончив беседу, Ленин направляется в зал, но тут окружен его мы.

— Хотим с вами посоветоваться, Владимир Ильич.

Ленин внимательно и серьезно смотрит на нас.

— Кто же вы и о чем собираетесь советовать со мной?

Мы объяснили, Ильич проявил живой интерес к комсомольским делам. Прохаживаясь с нами по коридору, он заметил секретаря Московского комитета партии Загорского, подошел к нему:

— Комсомольцы поднимают серьезный вопрос. Надо им помочь.

Подумав немного, Владимир Ильич горячо сказал:

— Надо пойти к молодежи, разъяснить ей задачи, обстановку в стране и призвать вступить в комсомол! А затем ходить по Москве, организовывать, но только хорошо организовывать! Скажем, «День коммунистической молодежи».

После этого Владимир Ильич пожал нам руки, и мы расстались.

Началась подготовка к «Дню молодежи». Мы советовались с райкомовцами, представителями эвейки на предприятиях, беседовали с рабочими заводов. Секретарь и члены МК партии помогали нам.

На предприятиях устраивались открытые собрания эвейки комсомола, митинги молодежи,

субботники, вечера. И опять стало людно в эвейках, районах и Московском комитете комсомола. Стала разрешаться и задача сближения рабочей и учащейся молодежи. 17 апреля Ленин выступил на I Всероссийском съезде коммунистско-учащейся.

— Важно то,—сказал он,—что молодежь, коммунистическая молодежь, организовывается. Важно то, что молодежь собирается, чтобы учиться, строить новую школу.

На этом съезде стала ясна необходимость объединения Союза коммунистско-учащейся с комсомолом. 25 апреля состоялся пленум ЦК комсомола об отношении к учащимся. На пленуме участвовали представители местных организаций (Ленинграда, Москвы и т. д.). А 11 мая Оргбюро ЦК РКП(б) утвердило положение о работе РКСМ среди учащихся.

«Вся работа, как среди рабоче-крестьянской, так и среди учащейся молодежи,—говорилось в этом положении,—должна быть объединена в руках Российского Коммунистического Союза молодежи». Оба союза—РКСМ и Союз коммунистско-учащейся—ссливались.

«Шаг гражданской войны. Иностранцы империалисты, русские белогвардейцы при помощи меньшевиков и левых эсеров собирались в марте—апреле перейти в решительное наступление».

Партия призвала коммунистов дать врагу достойный отпор. Комсомол и на этот раз оказался верным помощником партии. Московские организации помогли военкоматам проводить первый призыв в Красную Армию. А в апреле и мае была проведена мобилизация комсомольцев на Восточный и Южный фронты.

Уходили лучшие воспитанники Союза молодежи, активисты. Это усидило авторитет комсомола среди рабочей и учащейся молодежи столицы. На место мобилизованных вступали в комсомол сотни юношей и девушек. Характерно объявление, напечатанное 9 мая в «Правде», которое извещало о заседании Московского комитета комсомола. В нем говорилось, что предстоит «взамен выбывших на фронт выбрать новых представителей».

Союз рос, креп, работал. Комсомольцы трудились на оборонных заводах, на железной дороге, в трамвайных парках, автогаражах, больницах, учреждениях, обучались военному делу во Всевожбух, окривали столы в отрядах ЧОН! участвовали в разгроме контрреволюционных заговоров, помогали ЧК в ее благородной борьбе с контрреволюцией.

И всегда мы помнили слова Ильича о том, что надо идти в массы молодежи, не ждать, пока кто-то постучится в дверь комитета. Несмотря на трудности, мы упорно готовились к «Дню молодежи».

И вот 22 мая под лозунгами защиты Социалистической Советской

республики, под знаменем большевистской партии мы провели «День коммунистической молодежи Москвы».

Рабочая и учащаяся молодежь с песнями, под звуки оркестров, со знаменами и транспарантами вышла после работы на улицы и двинулась к Колонному залу Дома союзов.

Вдруг к нам, членам горкома РКСМ, стоявшим у входа в зал, подошел взволнованный командант:

— Что вы делаете, здание не может вместить такого количества людей! Самое большее—полторы тысячи человек!

Но разве можно было удержать молодежь! Она заполнила все уголки Колонного зала, забрала все проходы.

24 мая «Правда» писала: «Дом союзов знал многолюдные митинги, но такое количество посетителей там вряд ли бывало... Смотр превзошел все ожидания».

Молодежь горно встретила выступлением по поручению ЦК партии Михаила Ивановича Калинин, а когда он сообщил, что Владимир Ильич хотел приехать на митинг молодежи, но неотложные военные дела задержали его, в зале поднялась буря восторга. Все кричали: «Да здравствует Ленин! Да здравствует победа!»

На митинге выступили представители Московского комитета партии и рабочих предприятий, Коммунистической молодежи Швейцарии. Митинг закончился большим концертом.

Поздно вечером расходился молодежь по своим районам. Долго гремели революционные песни на улицах. И все видели: это была боевая молодежь столицы, ее передовой отряд, комсомол.

Он был готов к труду и бою.
Георгий ТОЛМАЧЕВ

Рисунок Н. Лисогорского.

1 Часты особого внимания, состоявшие из коммунистов и комсомольцев.

ТВОЙ ТОВАРИЩ

Очерк

Расширенное бюро комсомольской организации факультета иностранных языков проходило в небольшой аудитории. Мест не хватало. Комсомольцы сидели по двое на одном стуле, некоторые устроились на подоконниках. Пришли на собрание и секретарь институтского комитета ВЛКСМ Валентин Луговой, и парторг факультета, и декан, и преподаватели... На повестке дня стоял один вопрос: «Персональное дело Станислава Ильющенко».

— Рассказывай, Станислав, все по порядку, — сказал Луговой.

— Из-за стола поднялся широкоплечий юноша в стареньком, аккуратно заштопанном на локтях пиджаке. Он обернулся к Луговому, взглянул на него сквозь толстые стекла очков и опустил голову.

— Молчишь? — раздраженно спросила член комитета Инга Попова. — Тогда разрешите мне...

Рассказ Поповой был краток. Станислав Ильющенко, амьезавший вместе с другим комсомольцем факультета осенью на целину, был назначен командиром полевого отряда. Но с обязанностями своими не справился, с товарищами обращался грубо, восстановил против себя весь отряд, а в день отъезда из целинного совхоза ударил комсомолку Лебедеву.

— Не может быть! — прозвучал чей-то удивленный голос. — Бедь это неправда, Слава? — Правда, — тихо ответил Ильющенко. Аудитория взорвалась:

— Нисьть! Гнать таких из института! — кричали одни.

— Мы знаем Ильющенко! Тут что-то не так! — возражали другие.

Валентин Луговой тише стучал карандашом по графиню... Особенно громко возмущались девушки с английского отделения, работавшие вместе с Ильющенко на целине. Они требовали извинения Станислава из комсомольского комитета, отчисления из института. И даже декан факультета Елизавета Ивановна Верстакова, закатывая свое выступление, сказала со вздохом:

— Я уверена, что педагога из Ильющенко не

получат. Таких грубых и невыдержанных людей нельзя допускать к работе с детьми. Справедливо, на мой взгляд, и требование об исключении Ильющенко из комсомола.

Станислав стоял у стола, опустил плечи и голову.

И тогда поднялся с места стройный, золотых волос пареня в темной зальетовой куртке.

— У меня особое мнение, — сказал он, глядя прямо в глаза декану.

В Сталинградский педагогический институт Станислав Ильющенко поступил в 1956 году. Его приняли сразу на третий курс: два курса он окончил в другом городе. Отец Станислава занимал видный пост в одном из военных округов, но товарищи по общежитию знали, что Станислав жил только на стипендию. Изменяя на денежные переводы, но они так и оставались лежать в деканате. Однажды юношу вызвала декан Верстакова.

— В чем дело, Слава? — спросила она. — Почему ты отказываешься от помощи родителей? — До каких пор сидеть на их шею? — ответил он вопросом на вопрос. — Отец с одиннадцатилет лет начал самостоятельную жизнь, а мне уже двадцать.

— Но ведь ты учишься! — Все равно, — стоял на своем Станислав. — Я не вправе тратить родительские деньги в то время, когда многие мои товарищи не имеют такой возможности.

Это был «ерштинский» пареня. Он с одинаковой прелестью высказывал свои убеждения и одноклассникам и преподавателям. Ильющенко хорошо учился, активно сотрудничал в бригаде солистства милиции, неплохо пел и нередко выступал в концертах. Но наиболее ценными чертами его характера были упорство и трудолюбие. Он мог сутками просиживать за скучными таблицами модальных глаголов, когда подходила его очередь, без огорнок мыл пол в общежитии, был застрельщиком соревнований на всех комсомольских воскресниках. Должно быть, эти качества и надомуши секретага комсомольской организации Валентина Лугового назначить Станислава командиром полевого отряда.

Всю ночь студенты ехали по размытой дороге. На рассвете они остановились в степи у полевого вагончика. Крутом, от горизонта до горизонта, колыхалось море дубов. В небе клубились серые тучи. Лил дождь.

— Не шеню, а дьяволенок, — буркнул усатый вахмистр.

Варга повернул голову к вахмистру.

— Он совсем мальчик. Оставьте его.

— Ну, ты — заманулся вахмистром. Шагай, шагай!

Они медленно вышли из деревни и по узкой тропинке спустились в балочку. По ду миру блеснула село журча, бежал ручей, в ярком-голубом небе кружил беркут.

Послышался стук копыт, и над оврагом появились два всадника. Спрыгнув с коней, они, придерживая шапки, осторожно ступая по скользкой траве отлогого склона, спустились в овраг. Одного из них снял фуражка, вытер племком льющую голову и подошел поближе. На плечах его поблескивали есульские погоны.

— Ну, господа питейцы, что скажете на прощание?

— Я хотел сказать, очень тихо, старательно выговаривая слова, произнес Варга: — Ты есть глупый дурак, который соломинкой хочешь остановить поток. Я хотел сказать, ты есть паразит, бело-гвардейский собака! — Варга рванулся вперед и сцепился в офицера. — Еська! Еська! — крикнул он. — На лошади, Еська!

В воздухе блеснул клинок. Подняв под себя офицера, Варга ринулся на землю.

— Да здравствует революция! Да здравствует матрос! Да здравствует конь шибк казак, зарубившего Варгу, выхватил у одного из конюшеских винтовку и бешено замахал ею над головой. — Да здравствует крейсер «Ленин!» Звонко выстрелил. Когда все было кончено, казани выскочил наверх. Далеко в степи кружились облачко пыли.

— Ушел, дьяволенок! — выругался вахмистр. — Обои коней гуаа.

А Еська мялся по степи, держась за гриву породистого скакуна и удерживая в его бока голыми пятками. Горький комочек подкатывал к горлу, слезы застилали глаза.

— Да здравствует крейсер «Ленин!» — шептал Еська бledными вздрагивающими губами.

Горячий степной ветер бил ему в лицо.

г. Николаев Тагиз.

ЕСЬКА

Окончание.

Начало см. на стр. 5.

чик сидит, Еська. Кто ты есть, Еська? Вор, бес-при-зорник! А Советская власть даст тебе образование, и будешь ты командир или инженер на большой заводе. Ты предствас, Семенов: идет наш Еська по улице, в шляпе, галстук красивый...

— И просточка, — подхватил матрос. — Идет наш Еська, все перед ним расступаются, потому как есть он наш, народный инженер. Или капитан! Хочешь капитаном быть, Еська? Громадный крейсер, белый красавец... Команда — молочек Е. молочку, революционные матросы, и ты командир. Летает твой крейсер по морям, громит мировую буржуазию. — Семенов перевел дух. — А крейсер... крейсер называется «Да здравствует мировая революция».

Варга усмехнулся.

— Значит такой длинный названье! Можно короче: «Ленин». И не надо мировой буржуазии; энергия, их тогда не будет. Будет красивый пассажирский пароход... белый Бельгий... Красный флаг на мачте. Будет он пробираться и Северный полюс. Ураганы снежных льды, а Еська ведет пароход вперед и вперед... больше темные глаза Варга светились, заблещивая окурки жемчужин. — А может быть, конеш сть учитель? Ну как, Еська?

Еська, слушающий с открытым ртом, все встрепенулся:

— Здорово заливайте, люблю послушать.

Варга улыбнулся:

— Чудак ты, Еська. Это есть наш будущий. Всё так будет.

Со скрипом распахнулись двери сарая, заглянули затворы винтовок.

— А ну, выходи!

— Матрос бережно помог Варге подняться. Шурысь от яркого солнечного света, они вышли из сарая. Последним, сжувившись, шел Еська.

— А этого куда? — спросил один из конюшес. — Шенюк еше.

учки правильно держать выты, уминать сею и кузове грузовика.

— Перед начальством выслуживается,— сказала как-то Светлана Иваново.— Он ведь такой. По диплома! Карьеру хочет сделать своими руками!

И хотя в ее словах была заведомая чушь, усталые, раздраженные собственной неуспеваемостью девушки выслушали Иванову сочувственно...

Светлана росла избалованной девочкой. Со временем реннито оберегали Светлану от житейских невзгод, а том числе от хлопот по хозяйству. А когда в последние годы матери трудно стало одной вести домашнее хозяйство и она попросила дочь помочь ей, Светлана издала глас:

— Вот погоди, получу дюбюку по диаметру—узнаешь, как заставят меня мить до!

Трудно сказать, что толкнуло Иванову попользоваться поехать в Акмолинскую область на уборку урожая. То ли мечтала она о красивой медали «За Освобождение земель», то ли просто увязалась с подружками Инной Поповой, Людмилой Шацовой, Галиной Шнер... С ними можно было откровенно поговорить о «стильных мальчишках» и модных дамских брошках, о парадках, которые собирается подарить ей мать к началу нового учебного года.

В первый же день работы Светлана поняла, что орудуют вилками куда труднее, чем вилками замасливать «паз» в форснотере. Особенно раздражала ее неутоимый Илюшонко. — Нужно его на свое место поставить,— говорила она Шнечовой и Шнер.— Снашком много он хочет от нас. Не будем подчиняться, и все!

Как-то на рассвете Станислав разбудил Шнечову, которая исполняла обязанности повара.

— Вставай. Уже шесть часов.

— Ну и что?—девно переспросила Людмила.— Все равно сегодня работать не будем. Вон какой дождь хлещет.

— Дождь дождь, а дисциплина дисциплина!—отскака Шнечову.— Завтрак должен быть приготовлен вовремя.

— Поедят и хлеб с молоком. А ко мне не вживись. Спать хочу,—сказала Людмила и завернулась в мягкое байковое одеяло.

На кровати поднялась заспанная голова Галины Шнер.

— Что ты разоралась здесь?—нарочито громко спросила она.— Поглядите, девочки, на него. Он несерьез считает, что может командовать нами!

Она шумно проснулась другие «англичанки», и вдруг все разом набросились на Станислава:

— Взял модно будить ни свет ни зарю!

Илюшонко измучено обвел взглядом нары и вышел за дверь. Уже на улице он услышал, как в комнате прозвучал насмешливый голос Шнечовой:

— Что, съезд? Эх ты, бабик командир!

Станислав не понял, что произошло с «англичанками». Некоторые из них демонстративно творились от него и откровенно смеялись. Другие отпихивали. Другие отталкивали. Выработка, которой и так не могла понадеяться эта бригада, стала еще ниже. Станислав нервничал, стал испывать и груб. На таких, как Шнечова и Шнер, он пытался воздействовать строгостью.

Придем в институт, комсомольскими бретами попатиться за срыа работ!—крикнул он как-то в запальчивости.

Это лишь подлоло маля в огонь. Теперь по утрам его встречали толпы ругательствами. Девочки из этой бригады пробовали образумить «англичанина»:

— Разве можно так обращаться с парнем? Ведь это травля!

— Не лезьте не в свое дело, институтская совет!—презрительно отвечала Илюшонко.— Обойдемся как-нибудь без вас!

Илюшонко не выдержал. Он написал записку Валентину Луговому с просьбой срочно приехать в отряд. Луговой жил в соседнем поселке отряде студентов и поговору приехал на следующий же день. Он внимательно выслушал Станислава и сокрушено покачал головой:

— Скверная история. Надо бы, знаясь, с индивидуальным подходом...

— Прошу освободить от руководства и перевести в другое место,—наставила Станислава.

М. ИСАКОВСКИЙ

ИЗ СТАРЫХ ТЕТРАДЕЙ

ДЕВУШКА

В деревнях, за рекою Уфрой,
Все ребята по ней тосковали.
Эту девушку звали Зарей,
Эту девушку Песней прозвали.

И когда она трактор вель,—
Утро довершал ярче и шире,
Говорили, что зорька взошла,
И за ней на работу спешили.

А когда она шла в коровод,—
Ей навстречу махали платками,
Говорили, что песня идет,
И в садах соловьи замолкали.

Вот какая девушка была!
1936 год.

ЗОЛОТАЯ ЗВЕЗДА

[Песня]

Я девушку зной, наверно, не стою
И алсуд ей напрасно гляжу.
Ее наградили Звездой Золотою,
А я без награды хожу.

Я, может, не стал бы грустить-огорчаться,—
За девушку сердцем я рид.
Но только нелюбо мне с нею встречаться,
Как будто я в чем виноват.

Глаза перед ней опускаются сами,
Слова с языка не идут.
И в одиноко брону вечерами,
Где травы степные поют.

Полно мне сердце лишь ею одною.
Мне больно и сладко тогда...
Взойди же, взойди, загорись предо мною,
Моя золотая звезда!

1949 год.

ТРИ РОВЕСНИЦЫ

[Песня]

За плотиною, за мельницей,
Где шатные мостки,
На закате три ровесницы
Гуляют у реки.

То пройдут себе по берегу,
То станут над водой,
То сорвут они по ветохне
С березки молодой;

То попробуют, потрогают,
Тепла ли в реке вода,
Будто только ради этого
И шли они сюда.

А уж сумерки спускаются,—
До дому не пора yet
И все чаще три ровесницы
Послаиваются вдаль.

А вдаль туман лишь степлетис,
Над рекою дымит,
А вдаль одно лишь слышится—
Как мельница шумит.

А на небе нет ни месяца,
Нет звезды, ни звезд...
И пошны обратно девушкам,
Обиженные до слез.

Три высокие, чистые голоса
Над рекою поплывали:
Забьмы, не прищипли.

1953 год.

В тот же день он уехал в Шанейск, где трудился полевой отряд Вольно Ануфренко.

Встретил его приехавший. Студентам по душе пришелся этот исполнительный юноша. Илюшонко работал конителем на комбайне, молоко торо, косял село. Даже скупой на похвалу директор совхоза как-то сказал про него Вольде Ануфренко:

— А парень-то не боится натереть на руках мозоли. Нашим совхозным рабочим и то трудно утяться за ним...

Прошло два месяца. Урожай в совхозе Ленинский был ураг. По дороге на аэватор длинными веревками тянулись грузовики, доверху груженные гитарной шнечней.

В день отъезда на центральную усадьбу совхоза состоялся большой митинг. Директор отгметил, что в основном сталинградские студенты работали хорошо и очень помогли совхозу своевременно убрать урожай.

Илюшонко задержался на площади, прощаясь с рабочими. Побжевав к автомашине, он увидал, что все места уже заняты.

— Ступай на «ЗИС»,—крикнул Ануфренко,—там народу вдовое меньше!

Когда голова Станислава показалась над бортом грузовика, Светлана Иваново даже присела от неожиданности:

— Ба! Да ведь это наш разжалованный командир!

— Куда лезешь, убирайся назад!—закричала Галина Шнер.

Илюшонко молча взобрался в кузов: если бы знал, что встретит здесь «старых знакомых», не пошел бы сюда. Но было поздно. Станислав слезл, прижмыкнув спиной к борту, и, стиснув зубы, продолжал молчать. Это еще больше выводило из себя подруг Иваново.

— Как ты смеешь садиться в нашу машину?—кричала Шнер.

— Глядите, глядите!—вторила ей Шнечовна.

ва.— У него желваки на скулах прыгают, как у собак!

Илюшонко вздрогнул, зашмырился и взмахнул руками...

Он пошатнулся. Удар достался не Шнечовой, а самой тихой и безобидной девушке.

В машине воцарилась такая тишина, что слышно было, как вдали над полем кричат вороны.

— Вот и все,—умехнулись кто-то.— Теперь ты не отвертешься. Коинчайся твоя карьера, «активист»!

...

...После собрания Станислава провозжала в общежитие большая группа товарищей. Был первый час ночи. Под ногами дегонно поскрипывал снег. Вперед,— на шоссе Сталинград—Красноармейск, мелькали огоньки автомобильных фар.

— Знаете, ребята, а ведь я перехожу на заочное,—сказал Илюшонко.— Хочу поработать простым рабочим на заводе, съезть с себя темное пятно.

— Какое пятно?—изумился один из друзей.— В комсомоле остался. Больше того, бюро решило обсудить на общем собрании поведение Иваноской компании.

— А строгий выговор разве не пятно?—невесело усмехнулся Станислав.— Меня не столько удручает «испачканная» учетная карточка, как сам поступок. Ударил девушку! Как я буду теперь смотреть в глаза одноклассникам, если кто-то противник съезд?

Он попорхался и легко взбежал по высоким каменным ступеням. А ребята долго еще стояли перед общежитием.

— Да,—вздохнувший наконец один из них.— Только час-полтора, что мы вояремни не вмешались в эту некрасивую историю, от нас уходит хороший товарищ.

г. Сталинград.

Молодость,

ДОКТОРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ

В конце февраля на физическом факультете Московского государственного университета имени Ломоносова Владимир Ильин с большим интересом защитил диссертацию на звание доктора физико-математических наук. Его работа — глубокое исследование, являющееся завершением классического в трудовом аспекте, и трудное для многих зарубежных и русских ученых. Интересно отметить, что проблема, которую решил молодой ученый, впервые была выдвинута еще Фурье. Она носит чисто теоретический характер, но дает ключ к изучению ряда дифференциальных уравнений, применяемых в теории упругости, электромагнитных волн, гидродинамики.

Особая ценность диссертации Ильина в том, что в ней молодой ученый довел древнюю задачу до логической, естественной завершенности. Биография Владимира Ильина мало чем отличается от биографий сотен советских юношей и девушек после окончания десятилетия по-прежнему в аспирантуру, работу над кандидатской диссертацией, потом — над доктор-

ской. Вторая диссертация — плод многолетнего напряженного труда. В эти годы сформировался его характер: огромная

сила воли, трудолюбие, Владимир очень любит музыку, литературу, увлекается спортом, но премирно всего он ставит науку.

ЖАННА СНИМАЕТСЯ В КИНО...

Как и многие девушки ее возраста, Жанна Болотова хотела бы стать киноактрисой, но ведь ее увлекает еще и журналистика. Момент бытия, с течением времени она будет писателем? Ведь ей еще 16 лет, а в эти годы планы и решения изменчивы и часто зависят от случая.

Зимой прошлого года Жанна прочтала объявление в газете «Вечерняя Москва» о конкурсе на роль школьницы в новом фильме и решила дерзнуть. Из 14 тысяч конкуренток отборала одну, Жанну Болотову. Тогда ей было пятнадцать лет, а ее героине в фильме «Дом», в котором в кино — «восемнадцатилетняя Антриса. Было трудно вникать в роль: ведь она еще ни разу не любила, как любила Гала, не переживала тех трудностей, которые вы-

пали на долю ее героини. Не было у нее и жизненного опыта.

Но у Жанны случайно сочелась, говорит режиссер-постановщик фильма Я. А. Сегель, наблюдательность, умное, тонкое проникновение в душевный мир героев, безусловная одаренность, сноровка и огромное трудолюбие. Будет ли она настоящей антрисой, покажет время.

Когда мы обратились к Жанне Болотовой с просьбой рассказать о своей роли в фильме «Дом», в котором и «мемуа» и дальнейших планах, она ответила:

Я и не собираюсь стать актрисой. После десятилетия хочу поступить на факультет журналистики. А самое главное для меня сейчас — без троек окончить 9-ю класс.

ЕГО ПЕСНИ ЛЮБИТ МОЛОДЕЖЬ

Здгару Оганесяну всего лишь 28 лет, но его песни уже знают и любят в Армении. Широю известна кантата Оганесяна «Мир — мир», первую премию на Московском фестивале получила его

кантата, балет «Маргар» вот уже год с успехом идет в Ереванском театре.

Недавно Здгар Оганесян закончил симфонию. Все она пронизана глубокими размышлениями о судьбах нашего современника. Ярок, оптимистичен в финале.

Сейчас композитор волнуется темы о жизни молодежи, о дружбе, любви, чести, о больших, сильных чувствах.

Арам Ильич Хачатурян, который руководил работой Оганесяна в аспирантуре Московской государственной консерватории, говорит о своем ученике:

Это — серьезный, пылкий композитор, ищущий свой манеру письма. В его музыке счастье сочетается и эмоциональная и интеллектуальная стороны. Самое интересное и ценное в творчестве Здгара — национальный колорит. Народные интонации органически вошли в его творчество. Оганесян вышел из народа и — я не боюсь этого сказать — растет в народе. Но он не замыкается в узких национальных рамках, а выводит свою музыку на широкую дорогу общечеловеческого восприятия. Так оказался композитор со своей индивидуальностью. Я уверен, что в самые ближайшие годы Здгар Оганесян при глубокой, систематической работе будет в первых рядах советских композиторов.

архитектура,
2500 КВАРТИР ЗУЛЬФЫ ПОГАРСКОЙ

Молодой москвовский архитектор Зульфа Погарская рассказывает:

— У нас, архитекторов-строителей, существует выражение: «Милые — это продукт потребления номер один». И недаром в нашей стране, особенно в последние годы жилищного строительства увеличивается такое огромное внимание.

Все архитекторы нашей мастерской не старше 27 лет. Мы планируем строить в Юго-Западном районе столицы. Работа, что называется, по горло: наши чертежи прямо с досок, «горизонтами» вводится в строй. Очень часто мы бываем на стройках. Метод поточно-скоростного строительства чрезвычайно помогает и нам: вносит изменения в проекты, улучшает и обогащает их.

Раньше нам «сверху спускали» приказ украсить фасад! Так рондальная архитектура исчезла. Теперь украшение мы делаем только по желанию. В проекте нового жилого дома предусматриваем максимум удобства и комфорта. Работать стало интереснее.

У меня восемь лет практической работы. За это время по моим проектам построено 2500 квартир. Много ли это? Конечно, мало! Нужно больше. Теперь, когда у меня уже есть некоторый опыт, мне хочется сделать какие-то выводы, обобщения. Думаю пойти в аспирантуру и работать над проблемой жилого дома.

УСПЕХ ЮНОЙ ПЕВИЦЫ

Мартине Маргания 19 лет, а этот год она заканчивает среднюю школу. С детства полюбила Мартина музыку, народные песни и танцы. Часто по вечерам бегала она на репетиции ансамбля и целыми часами просматривала в пустом, гулком зале театра. Потом стала заниматься в хоровом кружке в суккумского Дома пионеров. С каждым днем Мартина познавала богатства народного творчества, непохожую красоту старинных архаических песен абхазского народа. Мартина тонко понимала и передавала лукавый юмор веселых крестьянских песенок, которые поют под выходящие звуки народных инструментов.

Четырнадцать лет Мартина стала солисткой ансамбля песни и танца Абхазской Республики в исполнении юной артистки записаны на грампластинки. Более тридцати пластинок с ее песнями выпустил Аграрный завод.

Большим событием для Мартини явилась поездка в Тбилиси, на конкурс абхазского искусства и литературы.

Указом Президиума Верховного Совета Абхазской автономной республики от 10 января этого года Мартине Маргания было присвоено звание заслуженной артистки.

Впереди у Мартини большой дорога. Пожелаем ей счастливого пути! Пусть талант Мартини будет так же ярок и щедр, как солнце ее родины.

НА СЦЕНЕ— ЛЮДИЛА ПОПОВА

Всего лишь четыре года назад она, Людмила Попова Харьковский государственный театральный институт, а сыграла она в театре уже 15 ролей. За эти годы Людмила выросла в ведущую актрису Харьковского драматического театра имени Шевченко. Образы, созданные Людмилой Поповой, говорят о широком творческом диапазоне ее таланта. Здесь и шенлифская Офелия, и Нина в пьесе А. Арбузова «Годы странствий», и Гали Давыдова в спектакле В. Рогова «В добрый час», и Марна в «Лесной песне» Леси Украинки.

Тонко, с большим талантом передает она сложные душевные переживания своих героинь. Сдержанно и глубоко

ее внешние приемы выразительности. Попова отличается серьезным отношением к работе над ролью, умением самостоятельно работать над образом.

Сила ее таланта не только в природных данных. Людмила крепко связана с жизнью. Неоднократно выехала Попова секретарем комитетов. А недавно член обкома Людмила Попова участвовала в работе XVIII съезда ЛКСМ Украины. Вместе с комсомольской бригадой она выезжала в села области, на комсомольские шашты Донбасса.

В постоянном общении с народом, в настойчивой работе над собой обогащается и крепнет талант молодой актрисы.

ДУМЫ ХУДОЖНИКА

— По-моему, у каждого человека, — говорит художник Михаил Девятко, — есть в жизни одна, очень большая цель, к которой он идет через какие-то вехи и рубежи, которая преследует меня по следу. Мой любимый образ из истории мирового искусства — это образ греческой Нины Саморазанной — крылатой, устремленной вперед Победы. Я страстно хочу создать обобщенный, а бы сназал дана, символический образ нашего современника. Дерзкая мечта! Но я никогда не отказусь от нее. Меню не первый шаг к ее осуществлению. Моя картина «Октябрьский ветер», получившая признание у зрителя и выдвинутая на конкурс Ленинской премии, еще больше убеждает меня в справедливости инстинкта.

Продолжением этой работы будет замечательная мной серия портретов наших современников. Раскрыть в них величие героя эпохи — цель, к которой я буду постоянно стремиться.

Фото Г. Воржисова, Г. Дубинского, А. Моисеева, М. Мурадова и А. Пыжого.

АНАТОЛИЙ ЛЕДНЕВ СТУДЕНТЫ

Волга за окном слегка дымится,
Медленно бледнеют фонари...
Спят двачета.
Лишь одной не спится:
Повстречала парня,—
Говорил,
Что студент он,
Институт кончает...
А какой! — спросит бы невзначай.
Завтра в час назначенный
Случайно
Разойдемся — и прости-прощай.

Зазвенел будильник ровно в восемь
Словно кто-то в звонное стекло,
Размахнувшись,
Горсть гороха бросил.
Легкий сон, как ветер, унесло.
Быстро собрала конспекты, книжки.
На пороге унылулась вдруг:
Может, где-то
С книгами под мышкой
Он идет,
студент,
товарищ,
друг...

Над рекой, от ветра рябоватой,
Чаю набрав высоту,
Мальры — крылатые ребята —
В цвет сирени красят институт.
И знакомый,

Закат по локти рукава,
— Здрасвусть! — тихо произносит имя
А она — лукавые слова:
— Я хотела убедиться лично...
Институт кончаешь!

Парень рад:
— Да, конечно, даже на «отлично»
Через час — другая
— Извини, — совсем она смутлась,
— Думала, как я, ты ходишь в вуз...
Улыбнулся парень:
— Не ошибаюсь.
Я в вечернем третьем году учусь,
Вот зачетка...

Опустив ресницы,
Девушка расцветает до ушей,
И чуть слышно:
— Трудно так учиться!
— Не учиться
нам еще трудней!

ИВАН ШЕСТАЛОВ ДЫХАНИЕ РОДИНЫ

Что за запах! Что за свет!
Вздох до сердца я согрет!
Как ладонь рук родной,
Солнце ласково весной!

Все травинки в тишине
«Сын мой! Сын мой!» — шепчут мне.
Крив смех, как звон струны,
Запах смол и скрип сосны...

Вот за этот запах смол
Мой отец в сраженьях шел.
Этот запах по весне
Не дает уснуть и мне.

Этот воздух до зари
Мне поет: «Письки! Творки!»
В сердце родится венок,
Сердце Родины поно!

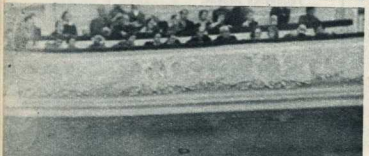
Перевод с мансийского
В. ШЕФНЕРА.

Аспирант Московской Государственной консерватории имени П. И. Чайковского Валерий Климов, занимающий первое место в конкурсе скрипачей.

Талантливая пианистка Франции Надя Жедда-Нова.

На сцене — австралийская скрипачка Мари Берли Кимбер.

МУЗЫКАЛЬНАЯ ВЕСНА МИРА

Фото
М. Озерского.

Музыкальная весна мира! — так поэтично назвала конкурс пианистов и скрипачей имени П. И. Чайковского знаменитая французская пианистка Маргарита Ловг. Конкурс действительно был настоящим праздником весны и молодости.

Хорошая традиция международных встреч музыкантов установилась еще с конца прошлого столетия. Эти своеобразные состязания проходили в Варшаве и Париже, в Брюсселе и Лас-Вегасе. В этом году музыкальная весна началась в СССР, на родине величайших композиторов.

...Большой зал Московской консерватории выглядит особенно

празднично. На эстраде огромный портрет Чайковского, украшенный живыми цветами. Перед сценой длинный стол членов жюри, чуть поодаль от них сотни любителей и знатоков музыки — москвичей и зарубежных гостей. Шестидесят молодых музыкантов из двадцати трех стран приехали в Москву, чтобы состязаться в умении владеть самыми трудными инструментами — скрипкой и фортепиано.

Среди членов жюри были такие мастера музыки, как Ефрем Цимбалист (США), Ма Си-чун (Китай), Давид Остерха (СССР), Эмиль Гилельс (СССР), Карло Цески (Италия), Генрих Штомпка (Польша).

«УДАР, РАССЕКАЮЩИЙ ГОРЫ»

Программа конкурса отличалась большой сложностью: в нее входила пропевания, требующие от музыкантов подлинной виртуозности исполнения.

Молодые музыканты показали широту творческого диапазона, искусство трактовки музыкальных произведений.

Большой интерес у слушателей вызвала выступления скрипящей Штефана Руха (Румыния), Дюло Флассера (США) и особенно Валерия Климова (СССР), получившего первую премию и Золотую медаль.

Валерий — талантливый ученик Давида Ойстраха, аспирант Московской консерватории, лауреат художественных конкурсов на III Всемирном фестивале молодежи и студентов в Берлине (вторая премия), конкурса имени Жюль Тибо и Маргариты Лонг в Париже (шестая премия) и Пражском конкурсе 1956 года (первая премия).

Зрелое мастерство показали на конкурсе пианисты. Ван Клибер (США) заняла первое место. Второе место поделили Лев Валасено (СССР) и Лю Шичуэнь (Китай), третье место занял Наум Штаркман (СССР). Премиями отмечены и другие молодые пианисты.

Конечно, не все участники были одинаковы по исполнительским качествам и музыкальному мышлению, не все завоевали призовые места. Но очень хорошо сказано председателем жюри конкурса скрипач Д. Ф. Ойстрах: «Одни из нас смогли лучше подготовиться к конкурсу, другим это удалось в меньшей степени. Но вить артиста не усылан лаврами. Вы были, и вас, бесспорно, ждут еще большие творческие успехи...»

Международный конкурс пианистов и скрипачей имени П. И. Чайковского стал для молодых и талантливых мастеров подлинным музыкальным университетом международного класса. Кроме того, а это, пожалуй, самое важное, молодые участники конкурса познакомы между собой, их сблизил совместное пребывание на родине бессмертного Чайковского.

Пусть все, что побывал в эти дни в Москве, расскажут в своих странах о нашей любви к музыке, дружбе и миру.

Вл. МИТИН

Много общих интересов у молодых музыкантов. Ведь столько впечатлений от игры друзей! На сцене участники конкурса скрипачи Хидеко Исо (Япония) и Зара Шихмурзаева (СССР).

Из глубины Китая линия железной дороги подошла к перевалу Гуньшань. Дальше на запад просторились покрытые снегами, труднопроходимые даже для пешего человека горы Циляньшань, а за ними тянулись пещи Дунжунгарин. Обойти этот перевал — удлинит трассу железнодорожной магистрали, которая соединяет Китай с Советским Союзом. Но и пробираться через горный край тяжело.

Два друга — советский инженер Александр Бардин и китаец Чжан — понимают: медлить нельзя. Железная дорога необходима для создания на северо-западе страны мощной индустриальной базы. Проложить же выемки в перевале займет не менее трех лет. Друзья решают взорвать перевал. О том, как осуществлялся этот смелый замысел, и рассказывает роман Михаила Колесникова «Удар, рассекающий горы», вышедший недавно в издательстве «Молодая гвардия».

Взаимоотношения между главными героями повести — Бардиным и Чжаном — живой пример настоящей, большой дружбы представителей братских народов. Чжан получил высшее образование в Советском Союзе, ставшем для него второй родиной. Бардин для Чжана — давний советский друг, хотя вместе они работают совсем недавно. Их роднит бесспорно любовь, творческая одержимость, стремление идти, говоря словами Горького, вперед и выше.

Перевалистая небольшую книжечку стихов в темной ультрамарниновой обложке с изображением на ней лунным диском и силуэтом дерева, испытывая такое чувство, будто открываешь книгу хороших свежик акварельных набросков...

У художников-акварелистов считается большим мастерством, когда краски положены так точно и четко, что связь них видна бумага.

Вот с такой прозрачной чистотой и ясностью написаны лучшие стихи Василия Кулемина, изданные «Молодой гвардией» небольшим сборником, озаглавленным так же поэтично — «Русские вечера».

Нужен хороший, зоркий глаз, умелая, точная рука и, главное, восприимчивая к красоте родной природы сердце, чтобы вот так, коротко, ярко, солнечно, набросать кусочек русского зимнего пейзажа:

Скряпает уприто сосны
на большой дороге,
Январский день морозный
Шпалет налегке.

Выдла домашни ябюк
Сблосидишь, точная рука,
А сосны держат в лапах
Вельх медвянат.

Всего две строфы! А прочтешь их, испытывая ощущение, буд-

то сам прогулялся по морозу, глотнул бодрящего воздуха!

Но Василий Кулемин бывает и еще более скупым на слова. В шесть, а то и в четыре строки передает нам ощущение короткой раскраски о красоте родной природы, о своих мыслях и настроениях.

Еще осеннее дышало
Листья берез не обогото.
Еще с последнего свиданья
Снится тебе теплое утро.
Но что-то
Встаети ушло...

С той краткостью, которую А. П. Чехов считал «сестрою таланта», пост как бы наизомом передает нам ощущение переживания смутной тревоги уходящего чувства! А ведь здесь, по сути, материал для целого рассказа.

Посту данется не только картинный припод. Выразительно и метко умеет он создать короткую портретную характеристику:

Чариссия невеста,
Но нет от души мастера.
Соловей, как известно,
Сосновы не поет и не пича.

Это почти афоризм, который особенно легко запомнить, но не так-то легко создать.

Лучшие стихи Василия Кулемина кратки, лиричны, богаты интересными, свежими деталями. В этом своеобразно его поэтической ма-

стерству, которая наиболее полно выразилась в «Русских вечерах».

Несомненной удачей сборника являются также стихотворения «Чайка», «Серебряный листок календаря», «Девушка шагает по тропинке», «Высокий пороги», «Свалили березку...» Тема их — любовь к жизни, к своей стране, дружбе, борьбе за чистоту мира.

Однако в ряде других стихотворений Василий Кулемин явруг утравивает свойственную ему лаконичную строгость образа, чистоту и чеканность строки. Стихи становятся длинными, вялыми. Кое-где ему изменяет вкус, и тогда вместо хорошей простоты в стихах появляется дешавельная простоватость. Такими, например, стихи «Галинка-сахалинка или «Почему молчит гармонь» со следующей банальной концовкой:

Только-только вспыхнет песня,
И уз нет ее опать.
Оддно, парно иланней
Несподзято, не играть.

И все же нельзя не порадоваться тому, что сборник «Русские вечера» по сравнению с предыдущей книгой Кулемина («От сердца к сердцу») — это новый заметный шаг поэта на пути к большому мастерству.

М. ЛОБАНОВ

«РУССКИЕ ВЕЧЕРА»

то сам прогулялся по морозу, глотнул бодрящего воздуха!

Но Василий Кулемин бывает и еще более скупым на слова. В шесть, а то и в четыре строки передает нам ощущение короткой раскраски о красоте родной природы, о своих мыслях и настроениях.

Еще осеннее дышало
Листья берез не обогото.
Еще с последнего свиданья
Снится тебе теплое утро.
Но что-то
Встаети ушло...

С той краткостью, которую А. П. Чехов считал «сестрою таланта», пост как бы наизомом передает нам ощущение переживания смутной тревоги уходящего чувства! А ведь здесь, по сути, материал для целого рассказа.

Посту данется не только картинный припод. Выразительно и метко умеет он создать короткую портретную характеристику:

Чариссия невеста,
Но нет от души мастера.
Соловей, как известно,
Сосновы не поет и не пича.

Это почти афоризм, который особенно легко запомнить, но не так-то легко создать.

Лучшие стихи Василия Кулемина кратки, лиричны, богаты интересными, свежими деталями. В этом своеобразно его поэтической ма-

стерству, которая наиболее полно выразилась в «Русских вечерах».

Несомненной удачей сборника являются также стихотворения «Чайка», «Серебряный листок календаря», «Девушка шагает по тропинке», «Высокий пороги», «Свалили березку...» Тема их — любовь к жизни, к своей стране, дружбе, борьбе за чистоту мира.

Однако в ряде других стихотворений Василий Кулемин явруг утравивает свойственную ему лаконичную строгость образа, чистоту и чеканность строки. Стихи становятся длинными, вялыми. Кое-где ему изменяет вкус, и тогда вместо хорошей простоты в стихах появляется дешавельная простоватость. Такими, например, стихи «Галинка-сахалинка или «Почему молчит гармонь» со следующей банальной концовкой:

Только-только вспыхнет песня,
И уз нет ее опать.
Оддно, парно иланней
Несподзято, не играть.

И все же нельзя не порадоваться тому, что сборник «Русские вечера» по сравнению с предыдущей книгой Кулемина («От сердца к сердцу») — это новый заметный шаг поэта на пути к большому мастерству.

Игорь КОЗЕВ

Рисунок А. Паукова.

Элла НИКОЛЬСКАЯ

ВЕЧЕРОМ

Рассказ

Нас двое в этой тесной, домильевой заставленной, домильевой комнате — я и черная кошка Чечоя. Андрей только что ушел, хлопнув дверью. Мы опять поссорились. Чечоя сидит на диванном валике, глядит мне в глаза и тихонько мурлыкает. У нее свое горе: вчера Зинаида Евгеньевна отдала кому-то ее котенка.

— Бедная Чечойка, — говорю я. — Ну ничего, как-нибудь обойдется.

У меня тоже как-нибудь обойдется... Сегодня утром врач сказал, что у меня скоро будет ребенок. Я почему-то никак не могу представить себе ребенка в этой комнате, где так много вещей — больших и каких-то темных. Негде будет поставить кровать. И по тому ребенку — это что, звончок, светелка, а здесь нельзя шуметь. Я боюсь, что ему, моему синичке, будет плохо у нас. Вот если бы убрать темные шторы и вынести часть мебели, — да где там... Разве можно

Впрочем, все это не главное — комната, мебель... Главное — Андрей. Мы поженились всего три месяца назад, а это уже вторая наша ссора. Первый раз поссорились из-за того, что я не нашла ему чай.

— Напей чай, — сказала я, чайник у тебя под рукой, а я не дотронул через стол.

— Неужели ты не можешь подняться? — ответил он. — Нина всегда сама наливала мне чай.

Нина — это его первая жена. Они развелись потому, что у нее не было детей. Я не люблю, когда Андрей говорит о ней, и он знает, что я не люблю. Вышла ссора. Теперь я всегда наливаю ему чай, если даже мне приходится обойти вокруг неуклюжего, какого-то шестигрунтового стола. В конце концов это пустяк. Стоит ли ссориться из-за пустяков?

Но сегодня мы опять поссорились — из-за того, что я поздно вернулась с работы. Я захлодила в подругу. Андрей рассердился и

ушел. Я даже не успела сказать ему про сына.

Вечером мы должны были пойти в кино. У Андрея, наверно, есть билеты. Если он скоро вернется, то мы еще успеем.

Я держу в руках книгу, но читать не хочется. Чужая жизнь мне сейчас кажется почему-то слишком простой. Героиня влюбилась, а через несколько страниц она уже старуха и рассказывает вникая о своей молодости. Вот если бы кто-нибудь описал ее жизнь день за днем, с маленькими тревогами, с маленькими радостями. Если бы я могла сравнить ее жизнь с мою. Впрочем, такую книгу никто не стал бы читать: скудно.

Мальчишки во дворе играют в какую-то шумную игру. Они спорят о чем-то с азартом, как и полагаются мальчишкам. Мой сын тоже когда-нибудь будет так спорить. Крик детей вдруг покрывается одним голосом, женским, пронзительным:

— Вова, домой!

И потом тише:

— Отец уже с работы пришел, он все бежит.

Сразу смолкает ребячий гамон. Наверно, за Вовкой разошлись и остальные. Значит, уже поздно.

Заканго свет. Лилоый прямоугольник она становится черным. В кино мы уже опоздали. А Андрея все нет.

Чечоя бесшумно ходит по комнате, заглядывает под стол, под комод, под пыльные кресла.

Я задерживаю взгляд на портрете в тяжелой позолоченной раме. Женщина в старинном, наглухо закрытом для подбородка платье неодобрительно глядит на меня круглыми холодными глазами. Это моя свекровь, Зинаида Евгеньевна. Комната и все вещи принадлежат ей. А сама она сейчас играет в лото у соседки, тети Кати.

Зинаида Евгеньевна под мелодист, и она не похожа на ту, молодую Зинаиду Евгеньевну, что смотрит с портрета. Волосы у нее теперь уже не собраны смешным узлом на макушке, а пострижены так коротко, что затылок кажется обритым. Все лицо в мелких морщинках. Но глаза — такие же холодные и круглые, белко-голубые.

Меня она не любит. Я догадываюсь об этом по тому, что, когда Андрей нет, она со мной почти не разговаривает, зато при нем превеличине любезна. Во время наших ссор свекровь молчит, не вмешивается, но я муштуюсь. Зинаида Евгеньевна ненавидела Нину. И сейчас, когда говорит о ней с Андреем, то называет ее не иначе, как «эта твоя», а со мной — его первая жена.

Я вспоминаю о моей единственной встрече с Ниной. Она подошла ко мне на улице — высокая, стройная. Рукой в черной перчатке потрогала меня за подбородок и сказала:

— Так вот какая у Андрея жена. Девушка с конфетной корочки. И всегда таме нравилась. И засмеялась.

Я тогда догадался, что это Нина. Голос у нее какой-то лонкий. Она очень красивая, но я заметила, что она намного старше меня: возле глаз стояла гнилая линия черненьких морщинок, в черных глянцких волосах сквозил ин.

Я промолчала. А она сказала:

— Не бойжисьте, это я так. И пошла, не оборачиваясь.

Нет, я не обиделась. Мне это стало жаль. Она, наверно, любит Андрея. А детей у нее нет, потому что он заставил ее сделать аборт. Так говорит соседка тетя Катя. Может быть, это и неправда.

Мне становится не по себе от этих мыслей. Какой токсичный вечер! Я намеряла пальто — по-ду постую у ворот.

Встречу Андрея, скажу ему о том, что у нас будет сын. Мы помиримся.

В дверях сталкиваюсь с Зинаидой Евгеньевной. Молча прохорожу боком, уступая друг другу дорогу, и я чувствую, как она смотрит мне в спину. Из-за этого я спотыкаюсь о коврик, лежащий у дверей, и никак не могу открыть замок. Наконец он поддается, и я выхожу на лестничную площадку.

На нашей двери синий почтовый ящик. Сквозь круглые дырочки его что-то белеет. Я загляну в дышко внутри. Письмо. Не видно, кому оно, я могу разглядеть только часть слова из обратного адреса: Якут... И вдруг словно что-то толкает меня в грудь. Я чувствую, как лестничная площадка, перила, дверь с почтовым ящиком вдруг словно дрогнули и наклонились. Потом все проходит. Я стою и смотрю на это письмо. Как его достать? Ключ у Зинаиды Евгеньевны. Есть ключ еще у тети Кати.

Осторожно трогаю ручку двери. К счастью, она не захлопнулась. Я слышу, как тетя Катя возится на кухне.

— Тетя Катя, дайте мне ключ от почтового ящика. Там письмо мне, — нетерпеливо говорю я.

Она уходит, шлепая мягкими войлочными туфельками. Ее нет довольно бесконечно долго. Я стою у кухни и боюсь, что войдет свекровь и спросит, что я здесь делаю. Я не хочу, чтобы она знала про это письмо. Сердце бьется тревожно, как будто за мной кто-то гонится. Но вот наконец — «шлеп», «шлеп» — идет тетя Катя.

— Еле нашла, — говорит она, протягивая мне ключ.

Она говорит еще что-то, но я уже не слышу — слышу на по-

щадку. Щелкает замок, и вот писмо у меня в руках. В первый момент я даже не понимаю, что произошло, туло смотрю на нервные, угловатые бумажки, которыми написан адрес. «Смирновой Катерине Ивановне», Смирнова — это Катя. При чем тут тете Катя? И где же то слово, которое я видела сквозь дырочку? Никакого Якутска нет, есть непонятная фамилия — Якуталова. Какая-то Якуталова Д. С. пишет тете Кате из Минусинска. А при чем же тут я? И при чем тут Игорь? Машинно отпущенное письмо обрвано в ящик. Потом закрываю замок, а ключ кладу в карман. Отдам после.

Слухалось по лестнице, выхожу во двор. Нет, я сегодня не буду стоять в коридоре и поджидать Андрея. Иду по улице, потом сворачиваю в темную шуршащую листовую Кировскую аллею. Здесь темно и никого нет, даже влюбленные. Хожу по этой аллее взад-перед и думаю о том, о чем мне не полагается думать. Это письмо не от Игоря. Он и не мог написать, откуда ему знать мой новый адрес? Да и зачем писать? Мне и сказать, что звал на свидание — навсегда, непонятно. Все кончилось в то день, когда Игорь уехал в Якутск. Нет, еще раньше, накануне, когда он пришел ко мне и сказал, что звал на свидание.

Мы сидели с ним в комнате общности и почти все время молчали.

— Значит, но поедешь со мной? Нет, не поеду, Игорь.

И опять молчанье. А потом он ушел. Не стал меня уговаривать, просто взял и ушел. Он такой, Игорь.

Я ждала его весь следующий день, но через день через два дня, тогда уже был в пути. Он уехал в этой самой Якутске, на какую-то стройку, а я не поехала с ним, осталась и вышла замуж за Андрея. Андрей — это компания, которая хорошо зарабатывает, и все подруги завидовали, что у меня такой красивый, солидный муж... А с Игорем все конечно. Когда он уходил, лицо у него было совсем спокойное, только взгляд странно напряженный и на скулах красные пятна. Мне все-таки не верилось, что он уедет без меня. Ведь мы дружили пять лет. Да он уехал. Его оттолкнула моя трусость, мое малодушие. Значит, все конечно, и не надо об этом думать!

Но я все хожу и хожу по аллее и думаю об одном и том же. Мысли путаются: «Якутске — Якуталова». Эта фамилия трещит в мозгу. Усилием воли я отбрасываю ее куда-то. Если бы кто-нибудь знал, как мне не хочется возвращаться домой, в эту комнату, в которой я все равно никогда не привыкну! А что, если уехать в Якутск, на Северный полюс, на экватор — не все ли равно, куда? Только бы Игорь был со мной! Ведь я его люблю! Нет, мне нельзя нигде ехать: у меня будет ребенок.

Медленно-медленно я бреду обратно. Вот и конец аллеи. За поворотом — дом, в котором я жила, Андрей, наверно, вернется, и эта прогулка мне даром не пройдет.

И тогда я говорю в обступившую меня темноту, сначала тихо, а потом громко, отчаянно, во весь голос:

— Где ты, Игорь? Гордый, смелый, любимый, где ты!

НА САМЫХ ДАЛЬНИХ

НАШИХ ОСТРОВАХ

Ураганный ветер обрушился на дома, словно стремился опрокинуть их и унести вместе с тучами колочей снежной пыли. Прошли сутки, другие, а пурга не утихла. Между тем работа на полярной станции шла своим чередом. Сюрреализм природы не удивлял молодых жителей Земли Франца-Иосифа, самых дальних и северных наших островов. Лишь на двадцатые сутки к вечеру наступила тишина.

Утром, вооружившись лопатами, полярники вышли на аварную работу. Машины, трактора, вездеходы, следы толпы — все под плотным слоем снега. Мороз захватывает дыхание, но полярники не обращают на это внимания. Они спешат. Надо подготовить площадку к прибытию самолета, подвести горючее, затопить кухню и баню. Радисты осматривают матчи, проверяют растяжки антенн.

Раньше эти далекие острова были связаны с матерком только лишь морским путем. Раз в год сюда приходил пароход, привозил смену зимовщиков, продукты, оборудование. Сейчас с Землей Франца-Иосифа налажено постоянное воздушное сообщение.

Сегодня самолет привез на зимовку большую почту — газеты, письма от родных и знакомых, посылки. На одном из конвертов — иностранные марки. Два года назад советские и норвежские ученые исследовали ледники в районе острова Шпицберген. На одну из вершин ученых доставили на вертолете, но неожиданно вертолет сломался, и люди оказались в затруднительном положении. На помощь им приехали советские летчики Москва-Ленко и Перов и вывели ученых на Землю Франца-Иосифа. Зимовщики устроили погост дружеская переписка. В ответных письмах норвежским коллегам гидрометеорологи ставили соображения, что ведут работы по программе Международного геофизического года, наблюдая за погодой, морем, изучают северные сияния.

Во время короткого полярного лета, когда над горизонтом на несколько месяцев поднимается неяркое солнце, заботу об аэстабелей зимовки приближается. Надо успеть разгрузить корабли, которые привезли продовольствие, оборудование и горючее, разложить запасы на складах и базах. Немало хлопот доставляют и незваные гости — изсушающие за долготу ночь белые медведи. Они бесцеремонно лезут к домам, подходят к вертолетам и машинам, дерутся с собаками. В прошлом году зимовщики поймали одного из меру добротного медвежонка и через летчиков подарили китайской делегации на VI Всемирном фестивале молодежи и студентов в Москве.

На станции более двадцати комсомольцев. Многие из них бывалые полярники, другие работают в Арктике совсем недавно, но тем не менее, отлично справляются со своими сложными обязанностями. По инициативе начальницы станции комсомолка Юрия Старкова составляется фенологический дневник. Как ни сурова природа острова, но и здесь растет мох, лишайники, а однажды были обнаружены в

расщелинах даже цветки и несколько пушков травы.

Несмотря на трудности, молодежь продолжает учебу. Комсомолец Игорь Широков заочно учится в Ленинградском высшем мореходном училище да еще помогает готовиться к экзаменам в университете своему товарищу — комсомольцу Юрию Базану.

Свободное от вахты время полярники проводят в библиотеке, в кают-компании, где можно почитать интересную книгу, посмотреть новый кинофильм, послушать лекцию или сыграть в шахматы. Нередко бывают здесь и самостоятельные концерты.

Мы как раз попали на репетицию новой программы. Молодой паренек, аккомпанируя себе на гитаре, поет песню. Я слышу знакомый мотив, но слова в этой песне новые: их написали сами зимовщики.

Морями грозилами омытая, Земля родина и суровая, И тебе любовь свою храним.

И слышится в песне большая любовь человека к своей земле — суровой, покрытой льдами, но дорогой и близкой.

А. КАЗАНСКИЙ

Против незваного гостя, забредшего на склад горючего, приходится пускаться в ход технику...

МОСКВА, ВЕСНА

1958

«СЕМЬЯ УЛЬЯНОВЫХ»

Более двадцати лет назад Мариэтта Шагинни написала первый вариант романа-хроник о семье Ульяновых. Младший брат Ленина, Дмитрий Ильич Ульянов, так отказался тогда об этом произведении:

«М. Шагинни не просто фиксировала исторические факты о семье Ульяновых, колотила их в художественные образы. Тем не менее, она не исключила исторических фактов. Перед читателем встанут живые, исторически правдивые образы, книга вводит его в круг интересов и забот, которые жила семья Ульяновых».

Недавно в издательстве «Молодая гвардия» вышел значительно доработанный вариант романа-хроники, над которым писательница трудилась в течение нескольких лет. В центре романа отец Владимира Ильича, один из передовых педагогов семидесятых годов прошлого века, Илья Николович Ульянов, и мать, Мария Александровна, сыгравшая огромную роль в воспитании своих детей. Роман-хроника знакомит читателя с обстановкой 60-х и 70-х годов в России и, в частности, в приволжских городах, где протекает действие романа.

Книга читается с огромным интересом. Она знакомит с жизнью и бытом замечательной семьи, воспитавшей великого Ленина.

«БЕССМЕРТИЕ ЮНЫХ»

Украинская организация Ленинского комсомола в 1944 году была награждена орденом Красного Знамени в ознаменование 25-й годовщины ВЛКСМУ и за заслуги в деле организации молодежи Советской Украины в период Отечественной войны на борьбу против немецко-фашистских захватчиков.

В книге П. Трощин «Бессмертие юных», изданной «Молодая гвардия», рассказывается о героической деятельности комсомольского подполья Украины. Читатель познакомится с интересными историческими документами и героическими биографиями комсомольцев-подпольщиков Краснодар, села Крамлен, Николаевской области, Кривого Рога, Сталино, Полтавы и многих других мест.

«ЛЮДИНОВЦЫ»

В городе Людиново, Калужской области, в первом Белой Отечественной войны активно действовала подпольная молодежная группа. О ее героической борьбе против оккупантов и трагической гибели стало известно только много лет спустя, уже после войны. Руководителем группы Алесию Шумашеву за мужество и героизм Советское правительство присвоило почетное звание Героя Советского Союза, двенадцать других участников группы награждены орденами.

В книге В. Александрова и В. Котова «Людиновцы», изданной «Молодая гвардия», описана вся история людиновской группы, подробно рассказано о ее героической деятельности. «Светлая память о людиновцах» — пишет в замечательной главе автор — так же как память о трагических, о Дзе Боскевичевской, Николае Гастелло, Саше Ченалине и других молодых героях, воспитанных нашей партией и комсомолом, будет переходить из поколения в поколение, вдохновляя миллионы юных сердец на труд и подвиги во имя Родины.

Целая серия книг о комсомольском подполье в годы войны, вышедшая в издательстве «Молодая гвардия», составит и сокровищницу ВЛКСМУ ценную библиотечку в помощь молодежи, изучающей героическую историю Ленинского комсомола.

«ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА»

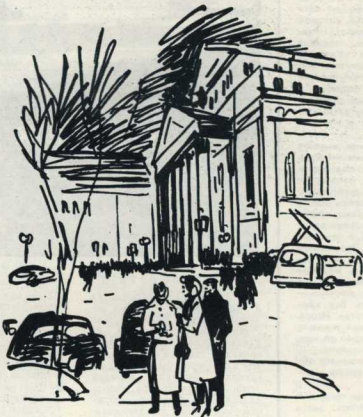
Книга Бориса Егорова, вышедшая под таким названием в издательстве «Молодая гвардия», рассказывает молодому читателю достижения народного хозяйства нашей страны, об успехах ее науки и культуры, о переменах в сознании людей, о величии сына советского патриотизма. Читатель найдет в этой книге оригинальные цифры и факты, исторические справки и личные наблюдения автора.

«В ЛЮБОВЬ НАДО ВЕРИТЬ»

Многим читателям, наверное, приходилось слушать по радио беседы Константина Лапина на морально-этические темы — о любви и дружбе, о семье и браке. Эти беседы вызвали огромный отклик — автор их получил свыше четырех тысяч писем от радиослушателей. По этим письмам К. Лапин написал очень интересную книгу «В любовь надо верить», в которой он как бы продолжает свою беседу с молодежью по поводу волнующих вопросов жизни и быта, отвечает на многие вопросы.

«Десять писем удалось процитировать в этих главах — можно было бы привести сотни», — пишет К. Лапин. — «Но и тогда трудно было бы охватить все стороны такой бесконечной, многообразной, глубокой и сложной проблемы, как вопросы дружбы и любви, брака и семьи. Цель этой книги будет достигнута, если читатель, особенно молодой, заучится над серьезностью тех проблем, которые ставит перед ним жизнь».

Книгу К. Лапина, выпущенную издательством «Молодая гвардия», с интересом прочтут тысячи юношей и девушек.

Рисунки
П. БУНИНА

Телефон-автомат работает с полной нагрузкой — время свиданий.

Первые цветы всегда появляются на столах у девушек.

Весна — отличное время года, если бы не экзамены.

Солнце пригревает. Как говорят торговые работницы, морозное влдедет в сезон.

В автобусе весеннее щебетание. Приветства даме солидный кондуктор

На улицы высыпали стайками школьники...

и воробьи.

Фотохуд
М. Муразова.

Самая радостная привета нынешней весны — новоселье.

На бульварах ловились ручьи. Они доставили много хлопот и радости будущим гидростроителям.

Фото В. Темнина.

ГОРОД ПОД ВОДОЙ

Здесь, в районе Сухоумской бухты, водоласы Н. Сладков и А. Пирювено обнаружены развалины затонувшего города Диоскурия-Севастополиса.

Сухоумские старинные рыбаки рассказывают, что еще в детстве, кузавсь в море близ устья реки Васлетей, они доставали раковины из неожиданных подводных развалин. Многие утверждали также, что в нескольких сотнях метров от набережной есть место, где можно опереться ногой на выступы нахлесточной стены. Что это за стены? Откуда в море развалины? Уже не приходится ли все это рыбачкам? Оказывается, нет. Развалины под водой — это остатки древнейшего города на Черноморском побережье, Диоскурия-Севастополиса.

Город существовал очень давно. Исследования побережной археологии позволяют предположить, что он затонул во время огромного берегового оползня.

Большой интерес представляет археологические находки, обнаруженные в районе

Диоскурии. Так, например, летом 1861 года, когда в Сухоуми близ старой крепости строили набережную, рабочие неожиданно натолкнулись на обломки каменного или кирпичного сооружения, напоминавшего мол. Слону была видна палита с надписью: «Гадриан через фланыя Аринна порт сей соорудил». В более поздние годы в море был найден мраморный надгробный барельеф. Он издал изображением вины и поэтому не подвергся разрушению. На барельефе изображена женщина, обнимающая прислонившегося к ее молчану мальчишка. Рядом стоит девушка, в руках у нее шапка. По виду она, с драгодеяшностями. Со дня моря извлечены также скульптурный бюст из известнякового мрамора, которому насчитываются не менее 2 тысяч лет. Кроме того, в сильные штормы

Еще несколько минут — и водоласы А. Пирювено погрузятся на дно Черного моря.

мы волны часто выбрасывают на берег обломки посуды, черепицы, старинные монеты.

Античные историки описывают Диоскурию как важный торговый центр. В 65 году до нашей эры на Кавказ вторгся римский полководец Помпей. Он прогнал на Черноморское побережье, и в Диоскурии римские легаты провели зиму. Это нашествие нанесло тяжелые последствия для всего края. При императоре Августе около Диоскурии была построена крепость Севастополис, именем которой потом стал называться и город Диоскурия. Не так давно в Сухоумской бухте была проведена гидроархеологическая разведка, во время которой водоласы Н. Сладков и А. Пирювено обнаружили на дне моря развалины каменных строений и старинной полуразрушенной башни. После этого уже не осталось никаких сомнений: исчезнувший город Диоскурия-Севастополиса находится на дне Черного моря.

М. ТРАПШ,

старший научный сотрудник Абсолютного института языка, литературы и истории.

Барельеф, извлеченный со дна моря.

Этот светящийся на дне разрушенной башне древнего города.

Первая страница обложки: М. Девагов. Эту же картину «Отбрысьский ветер». Четвертая страница обложки: Г. Храпак. «У Библиотеки имени В. И. Ленина».

Главный редактор М. А. Велычко.

Оформление номера В. Урина.

Адрес редакции: Москва, 1-я улица Ямского поля, 28.

Тел. Д.3-34-24, А 05083.

Изд. № 447.

Завка № 763.

Формат бумаги 70 X 108 см.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАЛЕПЧАТНЫЙ И № 5.

По горизонтали:

- Оправа, 7. Точечек, 8. Англетина, 10. Вроничин.
- Литые, 12. Оттиск, 13. Марш, 16. Виноделие, 17. Гальваниметр, 21. Зебра, 22. Фанель, 23. Аксис, 26. Куржур, 27. Трамплин, 28. Пинюга, 29. Космос.

По вертикали:

- Слупкин, 2. Меркесьев, 3. Стандарт, 4. Терячина, 6. Агит, 7. Троя, 9. Астрономия, 10. Баскетбол, 14. Модуль, 15. Шиллер, 17. Геркулес, 18. Рукописи, 19. Везувий, 20. Фильдер, 24. Луна, 25. Банк.

Редколлегия: Г. Гуля, Е. Домогатовский, Н. Жуков, М. Лукин, А. Ремезов.

Технический редактор О. Шовава.

Подписано в печать 14/IV 1958 г.

Тираж 325 000 экз. 1,75 коп. а.—4,8 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

ЛЕСНЫЕ АРТИСТЫ

Это было в начале марта. Я бродил по лесу области зарины Грыбно, прислушиваясь к полосу птиц. Куда стала заглядывать за мной, пропущенная дятлы не хуше, чем в хвосте подстриженные трели, долго и очевидно перемещались в ельнике рябины. А когда пригнело солнце, заели дятлов, гайки и кучки вертикальные поволоки. Но вот совершенно неожиданно для меня поблизости раздалось лютование. «Нет,—подумал я про себя,—не может быть, дятлобы у нас в средней полосе, да еще в начале марта причала кукушка». Ведь эти птицы в апреле—мае, когда деревья начинают покрываться листвою и появляются первые зеленые гусеницы.

деревя и другому. Вдруг вылетела высокая птица, свистнула, переключилась между собой птиц. Сверху доносился то флейтовый, то мелодичный писк. Птица, что прелестно поволоку, то гласило, поволоку и гласило. Синица — сойка. И отпустила, под ногатам хуше, свистнула, свистнула шумно поднялась к соснам и полетела в сторону деревни.

Осторожно, стравясь не шуметь, переходю от одного

«Ну и артисты!» — подумал я про себя. «Синица — Не хуше синицы поволоку, дятлобы гласилом других птиц».

Хорошо, что мне удалось высидеть снег. Велюгата сойка шумно поднялась к соснам и полетела в сторону деревни.

Н. КАМИРИН

г. Кинешма.

КРОССВОРД

«У КРОССВОРД СССР»

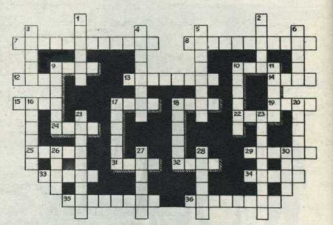
Составил Н. Геев.

По горизонтали:

- Столица автономной советской республики. 9. Город в Сталинской области, названный в честь советского писателя. 9. Центр одного из районов Хабаровского АССР. 10. Весоиспользователь. 12. Птица. Валуаг, 13. Деревня под Москвой, где находится музей-усадьба А. П. Чехова. 14. Птица. Иртыш. 15. Река в Восточной Азии. 17. Порт на Балтийском море. 18. Птица. Уссури. 19. Курорт в Крыму. 20. Курорт на Балтийском море. 24. Промышленный район Московской области. 25. Великая русская река. 29. Столица автономной советской республики. 31. Город в Гродненской области. 32. Часть света. 33. Курорт на берегу Черного моря. 34. Река в Дагестане. 35. Город на Украине. 36. Село, возле которого произошло большое сражение в Отечественной войне 1912 года.

По вертикали:

- Птица. Оми. 2. Старинный центр историко-промышленной в Калининской области. 3. Озеро в Армении. 4. Город в Запорожской области, названный в честь советской летчицы — Героя Советского Союза. 5. Фанель в древнейших и важнейших сельскохозяйственных районах Советской Азии. 6. Бухта в море Ионических. 9. Начальник полка в автономном трактире в Иркутской области. 10. Потухший вулкан на Кавказе. 11. Столица союзной республики. 16. Древний русский город. 17. Самое глубокое озеро мира. 18. Порт на Крайнем Севере. 19. Река в Поморской области. 21. Город в Молдавской ССР. 23. Древний город Средней Азии. 26. Иришнейная река мира. 27. Город-герой. 28. Курорт на Южном берегу Крыма. 30. Город на границе Европы и Азии.

ПЕСНЯ О НИКОЛАЕ ОСТРОВСКОМ

Слова Я. ШВЕДОВА.

Музыка Л. ПЕЧНИКОВА.

От Каховки до Волыни —
В сизом лепле перекрестки...
А по ним скрывал в лагине
Молодой боец Островский
В бой за Родину Советов,
В путь орлиный, в путь геройский.

Эх ты, юность, юность удалая,
Быстрый конь да шашка боевая!
Доброй славой, честью комсомольской
Стал в стране у нас герой Островский,
Комсомолец Николай Островский!

Рисунок А. Резниченко.

Музыкальный Подпевный

От Каховки до Волыни, — в сизом лепле перекрестки... А по ним скрывал в лагине молодой боец Островский В бой за Родину Советов, В путь орлиный, в путь геройский.

Эх ты, юность, юность удалая, Быстрый конь да шашка боевая! Доброй славой, честью комсомольской Стал в стране у нас герой Островский, Комсомолец Николай Островский!

Комсомолец в дни затишья
Не мечтает о покое, —
Он, рожденный бурей, пишет
О простом бойце-герое,
Как ушли коммунисты
Наше племя молодое,

Как отвага в юношах рождалась
И как сталь в атаках закалялась!
Доброй славой, честью комсомольской
Стал в стране у нас герой Островский,
Комсомолец Николай Островский!

Книги пламенные слово
В грозной битве всенародной
Вдохновляло Кошелева
На борьбу за край свободный,
Вслед за ним солдат Митросов
Шел на подвиг благородный.

Слов правдивых сила огневая
Будет жить, как юность боевая!
Доброй славой, честью комсомольской
Стал в стране у нас герой Островский,
Комсомолец Николай Островский!

Цена номера
2 руб.

